

ЭКА ПАРФ

ПАРА
ИНТЕРЕСНЫХ:
ПЁС и КОТ

17
Mount Street

Эка Парф

Пара интересных: пёс и кот

«Издательские решения»

Парф Э.

Пара интересных: пёс и кот / Э. Парф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743856-2

Искренняя дружба между котом и псом практически невозможна. Собаки, с их мокрым носом, вонючей шерстью, скверными повадками и вообще непристойным поведением, вряд ли могут заслужить снисхождение представителей семейства кошачьих. Первые же, в свою очередь, считают пушистиков излишне гордыми до хозяйского внимания и неадекватными до склянки с валерьянкой. И только человек имеет в своем сердце достаточно места, чтобы любить их обоих. Обоих своих питомцев.

ISBN 978-5-44-743856-2

© Парф Э.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	7
Мы переезжаем	7
Игуана, гуляющая сама по себе	16
Шедевр кошачества	24
Дом №17	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пара интересных: пёс и кот

Эка Парф

© Эка Парф, 2016

© Елена Петровна Гнедкова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-3856-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Искренняя дружба между котом и псом практически невозможна. Собаки, с их мокрым носом, вонючей шерстью, скверными повадками и вообще непристойным поведением, вряд ли могут заслужить снисхождение представителей семейства кошачьих. Первые же, в свою очередь, считают пушистиков излишне гордыми до хозяйского внимания и неадекватными до склянки с валерьянкой. И только человек имеет в своем сердце достаточно места, чтобы любить их обоих. Обоих своих питомцев.

Несмотря ни на что, между этими двумя шерстяными лагерями идёт ожесточённая конкуренция, почти война! Каждый из них видит в противнике прямого конкурента в захвате и перетаскивании на себя внимания хозяина. Порой военные действия проходят прямо на диване, во время вечернего ток-шоу. Или на кухне, за завтраком, когда еще полусонный, полупарализованный и плохо ориентирующийся в пространстве человек ищет для этих двух еду.

Кот, обвивая человеческую ногу своим гибким хвостом, заставляет хозяина умилиться и только усерднее искать кошачий корм. Собака же прибегает к древней тактике, применяемой ещё в каменном веке: виляет хвостом и устремляет на хозяина кристально чистый, искренний и тоскующе-вопрошающий взгляд, немую мольбу о доброй миске сухого корма. Согласно собачьей статистике, ведомой ещё с того же каменного века, в 10 случаях из 100, вожак бросает всё, но кормит, как ему уже кажется, изголодавшегося, отощавшего, почти обессиленного пса. Кот в это время покорно дожидается своей очереди и посылает километры проклятий в адрес соперника.

Если верить все той же статистике, то в мире гораздо больше кошек, чем собак. То ли потому что псиную популяцию «подъедают» корейцы, то ли по той причине, что кошка меньших размеров, чем пёс. В небольшой городской квартире могут проживать более двух крупногабаритных кошек. Однако более двух крупногабаритных псов на квадратный метр средней городской квартиры вряд ли вообще оставят камень на камне того дома, где находится та самая средняя квартира.

А кто-то очень любит собак и любит кошек. И не может выбрать между ними кого-то одного. Поэтому, в один прекрасный день, в самой обычной квартире ничем не примечательного дома, находящегося на территории тихого спального района, появляется пара интересных: пёс и кот.

Глава I Жизнь кошачья

Мы переезжаем

Все знают: котов берут на руки чаще, а собаки – большие любители «возни» со своим человеком. Жители района, куда переехал хозяин одновременно кота и собаки, полагали, что все их представления о тандеме «кот-и-пёс» незыблемы и неспособны даже к малейшей деформации. Каково же было их удивление, когда они увидели новосёла, чьё имя, как им позже стало известно, Грегори. И чьи животные, как выяснилось, ломают все стереотипы о домашних питомцах.

У Грегори Паркера не было большого, лохматого и слюнтявого пса. Такого, чтобы смиренно ожидал прихода хозяина с работы, сидя в прихожей, с тапками в зубах. Не было у него и кота-эгоиста, способного только и делать, что спать у батареи и питаться 6 раз на дню.

Вместо обычных питомцев, у Грегори Паркера были: воинственный и отважный кот породы Мейн Кун и добрый с хорошеньким пёс семейства Чихуахуа. Первый имел привычку оберегать и защищать семейный очаг, подобно тому, как вот уже несколько тысяч лет с этим справляются собаки. Второй – соиздать упорные старания кота во благо их семьи, лёжа при этом на любимом пуфике цвета ванили. Ни один из питомцев ни разу в жизни не подумал, что он делает что-то не так. В их маленькой вселенной всё было в порядке.

Их лондонские четвероногие соседи, живущие в столице с самого рождения, были привычны ко всему диковинному и необычному. Ведь то был Лондон. Сегодня эта пара интересных оказалась в Линкольне. Небольшой город в восточной Англии не имел столь широких взглядов на повседневность, как это делали в столице.

Позже, собравшиеся за чашечкой чая домохозяйки, скажут, что по странности поведения и выходу за рамки разумного эта пара интересных обогнала даже кота Уиллсов – Гузи. Кошак имел манию к почтовым ящикам. Точнее, к письмам, которые в них попадали. Он считал своим долгом обнюхать каждое из посланий, будто туда могло попасть что-нибудь вкусненькое. Доходило до того, что почтальон не мог положить конверт в ящик без предварительного «обнюхивания» одного самим Гузи. Только после этого и никак иначе, человек получал от кота согласное мурлыканье.

Порой страсть к «пронюхиванию» писем впутывала кота в самые несуразные ситуации. Они, правда, тут же перестали быть несуразными, как только на крыльце дома №17 нарисовался Гризаиль. Кот внушительных размеров, серебристо-мраморного оттенка шерсти и золотистыми глазами. Взгляд этого кота выражал нечто большее, нежели пустое и тихое презрение к существам без шерсти, хвоста и лохматых лап. И даже не гипнотическое наставление к прохожим о миске сметаны. Наш Мейн Кун думал о высоком.

Игуана Драго из семьи живущих напротив Челлингтонов, глядя в окно, моментально заметила появление незнакомца на крыльце дома №17. Его глаза напомнили ему о безделушках в чёрной шкатулке, коими так дорожила миссис Челлингтон. Признаться, сам Драго ловил себя на мысли, что хочет владеть всеми этими блестящими цепями и особо яркими хомутами. Сию воровскую тягу ящер списывал на близкое родство с вымершими драконами. Они, как пишут во всех сказках, охраняли замки, до потолка набитые блестящими, холодными и крайне опасными для людей, вроде хозяев, вещами. Драго был умной игуаной и очень многое знал и понимал о мире, что простирается за стенами его террариума. Как

рассказывала ему миссис Челлингтон, свой ум и житейскую мудрость ее любимец позаимствовал у еще одних ближайших родственников хладнокровных – змей.

– Клянусь, до меня еще в постели донесся аромат шарлотки по рецепту твоей прабабушки. Так где она? – довольный мистер Челлингтон спустился на завтрак с продуманным планом нападения на шарлотку авторства покойной миссис Уотс.

– У нас новый сосед, – прочирикала миссис Челлингтон, утюжа выходные брюки мужа. – Художник. – Мечтательно добавила она.

Драго знал, кто отведаёт божественной шарлотки – хозяин кота, живущего в доме №17. Человек по имени Грегори. Художник. Драго слышал, как миссис Челлингтон обсуждала приезд новосёла в дом напротив. Одна из домохозяек, таких же, как и сама миссис Челлингтон, сообщила, что приезжего зовут Грегори и он имеет самое прямое отношение к изобразительному искусству. Она видела, как из грузовика, на котором перевозили вещи, выволокли мольберт.

Согласно канонам этикета семьи Челлингтонов, Кэрролл испекла традиционное для всех новичков на Маунт-Стрит приветствие от ее дома – шарлотку. Женщина занесла блюдо рано утром, зная о нежных чувствах мужа к этому блюду.

– Прекрасно. – Проворчал хозяин, всегда тяжело переживавший исчезновение божественной шарлотки в чужом желудке.

Драго был более заинтересован в златоглазом коте. Змеиная мудрость подсказывала, что этот кот может оказаться интересной личностью, а драконьи корни убеждали, что личность это непростая. Игуана взобралась под самый потолок террариума, дабы видеть Грizaиля еще лучше. Тот совершал утреннее омовение лапок. Не то умиленное вылизывание, что каждое утро проделывают все родственники Царя Зверей. Оное действие выполнялось по-настоящему величественно, грациозно, по всем ноткам кошачьей благовоспитанности. Драго готов был хвост дать на отсечение, что кот этот не имеет никакого отношения к тем пушистым домашним ленивцам, что промурлыкивают все 9 жизней где-то у камина. Этот кот был слеплен из другого теста.

Впервые в жизни Драго, всю жизнь гордившийся тем, что он вылупился ящерицей, начал жалеть, что не родился котёнком. Будучи хладнокровным от природы, сейчас он ощущал присутствие в своём небольшом тельце очень большого чувства – зависти. Он даже начал бояться (чего игуаны, как он считал, делать просто не умеют), что потеряет на фоне этого стресса любимый хвост! Во избежание конфуза, ящер быстро переместился на дно террариума, прямиком под тёплый поток лучей люминесцентного солнца.

Пока Драго принимал солнечные ванны, погода вне его террариума выдалась неважной. Небо опять затянуло тучами. Верхушки деревьев покачивались от гуляющего по Линкольну осеннего ветра. Листья тревожно и шумно о чем-то перешёптывались. В воздухе не витало ничего, кроме мрачных предзнаменований не самого радужного утра на Маунт-стрит.

В согласии с погодой протекал и будничный настрой Грizaиля. Ему предстояло сделать множество дел. Во-первых, облюбовать своей мохнатой персоной новое постельное бельё. Во-вторых, опрокинуть, но не съесть содержимое миски своего сородича – мистера Юпи. И, наконец, в-третьих, опрокинуть грудку грязного белья со стула в спальне Грегори. Последний пункт был особо важен для котика, ведь он означал важную веху дня – выполнение всех кошачьих обязательств перед Вселенной. Оставшееся время можно посвятить знакомству с соседями или расстановке пакостей для мистера Юпи. Решение, к чему приступить сначала, казалось Грizaилю крайне сложной, практически нерешимой дилеммой. Оба дела доставляли коту превеликое удовольствие. Его раздумья развеяло чье-то гавканье. Кот, не без показного изящества, повернулся в сторону раздражителя.

Шавка, – пояснил он самому себе.

Конечно, то было явное преувеличение. Ведь в сторону крыльца №17, из-за забора дома №16, гавкала вовсе не шавка, а породистый бело-рыжий Английский кокер-спаниель с богатой родословной. Гризаиль, исходя из всей кошачьей вежливости и собранности, взял себя в лапы и спустился с крыльца навстречу новому знакомому. С каждым шагом Гризаиля, гавканье за деревянным белым заборчиком становилось всё громче. Стали слышны поскабливания когтистых лапок о деревянное ограждение. Через несколько секунд собака уже лихорадочно бегала вдоль забора, за которым, по мнению песика, медленно влачился сам Дьявол.

– Тебя никто не слушает, – поделился своими наблюдениями Гризаиль, – но тебя скоро попросят замолчать.

– Я пёс! Я сторож! Я знаю, ты хочешь украсть любовь моих хозяев! – собака была близка к истерике. Той истерике, в которую впадают все псы, когда чувствуют близости незнакомца.

– Мне не нужны твои люди. У меня уже есть один. Зачем мне твой? И вообще, я зашёл познакомиться.

Признание вогнало Руди (так он представится позже) в ступор. Он, как и все псы, пребывал в полной уверенности, что все те незнакомцы, что проходят мимо их дома, хотят только одного – проникнуть в дом и украсть у Руди любовь всех его людей.

Он прекратил лаять, отдышался, присел на задние лапы и вежливо, как он это делает на прогулках в Уиттонском парке, представился.

Пёс жил у Хендриксонов уже два года. По субботам они семьей ездили в вышеупомянутое место, где хозяева встречались с друзьями, приводившими с собой своих псов. А в воскресенье мать миссис Хендриксон – миссис Лойс – готовила Воскресный ужин. Каждую неделю она представляла семье новое главное блюдо. Кусочки оного зачастую попадали с руки юного Чарли прямым в пасть Руди. Гризаиль готов был поклясться, что не встречал более избалованной домашними изысками собаки.

– Вчера, – начал, виляя хвостом, Руди, – я пробовал мясо по-французски. Чарли любит меня кормить всем тем, чем кормит его миссис Лойс. Чарли говорит, что людям такая еда не подходит, потому что его бабушка – ведьма. И все ингредиенты для Воскресного ужина она берет на Карвинг-роуд, где находится старое кладбище. Чарли говорит, там похоронены четыре мужа миссис Лойс. – Глаза Руди расширились от ужаса, будто он сам боялся того, что рассказывал. – Страшно, что все четверо ушли из жизни при странных обстоятельствах.

– Ничего в этих обстоятельствах страшного нет, я уверен. – отмахнулся от его слов Гризаиль. – Просто она их съела. Так делают самки пауков.

– Пауков!? – заскулил Руди. – Откуда ты знаешь?

– Я смотрю телевизор, – гордо уточнил кот, – так что она не ведьма, а обыкновенная женщина. Человек одного моего лондонского друга постоянно говорил, что его жена проела ему всю плешь.

– Но миссис Лойс не ест ничью плешь! Она просто... – сбитый с толку Руди пытался подобрать слова, – ... просто очень вкусно готовит! – оправдался пёс.

– Все хозяйки проедают плешь хозяевам. Это нормальное положение вещей во Вселенной, – парировал Гризаиль. – Мой человек тоже стал жертвой одной из них.

– Неужели плешь – это так вкусно? – задался вопросом Руди.

– Какой ты глупый, – замотал кот своей усатой мордой. – Она не делала этого. Она просто разбила ему сердце.

– У моего кузена было так же! Ему на тот момент стукнуло семь лет. Хозяин вывел его на прогулку, а погода испортилась. И молния разбила ему сердце, – проскулил Руди. –

А в остальном жизнь у него удалась, – будто довольный тем, что нашёл совпадение, ответил пес.

Так Гризаиль познакомился с соседским псом Руди. Узнал много интересного о его семье и замотал на свой длинный ус – ему обязательно нужно будет зайти к Хендриксонам на ужин. Пусть миссис Лойс и вправду ведьма. Гризаилью осточертел кошачий корм, которым его ежедневно кормил хозяин. Кот не держал на него зла, ведь, как вы успели понять, он был очень умным котом, и знал, что, будь у Грегори на них с мистером Юпи чуть больше времени, их рацион не ограничивался бы «консервами для ваших любимых питомцев».

Гризаиль готов был поспорить на целую курицу гриль, что виновницей их переезда является Полли. Согласно кошачьим наблюдениям, Полли и Грегори состояли в партнёрских отношениях по программе «осчастливь ближнего своего». Гризаиль видел такие пары в телевизионных сериалах. Он никому не рассказывал, но по окончании некоторых серий он плакал. Мало кто знает истинную кошачью натуру, в глубине коей бушуют океаны эмоций, в то время как на мордочке вашего питомца вырисовывается глубинное равнодушие к происходящему вокруг.

Гризаиль попрощался с Руди и вернулся в дом №17, к болеющему и почти не разговаривающему мистеру Юпи. Переезд повлиял на пса не лучшим образом: он постоянно чихал, его знобило, и он вовсе отказывался от еды. Грегори перед работой кормил его с ложечки. Ветеринар сказала, что собака переживает переезд со старого места. И заметила, что пес совершенно неустойчив к стрессам.

На самом деле мистеру Юпи просто не хватало внимания своего хозяина, поэтому он прикинулся одним из тех Чихуахуа, кто трясётся при малейшем сквозняке, лежа у камина на собственной шелковой подушечке, и пугается естественных шорохов, находясь один в помещении. Гризаиль знал о разыгрываемом спектакле, но молчал. Все-таки эту собаку и собакой язык не поворачивался назвать. Маленькие размеры его тела, аккуратно подпигленные коготочки (именно коготочки!) на лапках (именно лапках!) и ошейник со ароматом клубники...

Грегори не относился к сексуальным меньшинствам. Причина, по которой взрослый и не падкий на мелодрамы мужчина, возился с маленькой собачкой, словно маленькая девочка с куклой, лежит в происхождении самого мистера Юпи. Совсем недавно брат песика взял первое место на международной монопородной выставке. Сестра получила премию, как лучший представитель семейства Чихуахуа где-то на противоположной стороне земного шара. Родители этой троицы тоже считались образцовыми экземплярами своей маленькой, но очень известной в мире породы. На вязку с каждым из них стояла очередь. Юпи очень гордился своими корнями.

Иного мнения придерживался Гризаиль. Как часто и отчаянно ему приходилось оправдываться перед сородичами с улицы или из соседних домов. Особенно, когда на смену их восхищения тому, что кот терпит пса, живущего с ним под одной крышей, они узнавали, что пес этот вовсе не пес, а самый обыкновенный Чихуахуа. Более они не возносили Гризаилю в рамки представителя цивилизованного и разумного кошачества – лондонского королевского движения домашних питомцев с богатой родословной и крепкими человеческими семьями. Теперь они считали его жуликом, потому как его сожителем был «пёс» породы Чихуахуа! Что за вздор!

Среди домашних питомцев, в том числе кошек, это четвероногое мексиканское семейство не считается полноценным собачьим родом: их шерсть зачастую не пахнет псиной, кормят их действительно вкусным кормом, а само их существование в семье продлевает жизнь нервным клеткам домашних кошек на несколько лет. Если в доме есть маленькая

собачка, которая только «за» то, чтобы ее тискали и таскали по всему дому, значит, кошка может расслабиться и получать от жизни двойное удовольствие. То есть забыть о стихийном поглаживании спинки, незатейливой игре с хвостом и даже спонтанных купаниях в раковине или того хуже – ванне! Всё это в прошлом. Неважно, что о Гризаиле или Юпи думают их сородичи в Лондоне. Ведь теперь их дом – Линкольн.

Когда-то Юпи и Гризаиль видели в Грегори не рядового дизайнера, но настоящего художника, виртуоза, мастера своего дела. Вину за все их беды эта пара интересных пере-несла на плечи Полли. Они считали, что если и есть в мире человек, повинный во всех неурядицах, то этот человек Полли. Если бы она не рассказала в прямом эфире про случившееся с Доротой, то все было бы как прежде. Так считали животные.

Сегодня Грегори не рисует персонажей для рекламных роликов детского питания, чем так гордились его питомцы. Все соседские животные знали «в лицо» героиню рекламы детского питания – фею по имени Йами. В ролике она храбро кормила пухлощёкого рыжего ребенка ложкой больше нее самой в несколько раз. В ролике кто-то очень душевным голосом уверял зрителей, что «Вкус у этой каши просто волшебный!». Котик честно верил этому голосу, пока не услышал по радио о случае с Доротой.

Непривычно холодный, почти без сожаления голос Полли сообщал, что маленькая девочка Дороти отравилась кашей, которой Йами кормила того большого рыжего ребенка. Гризаиль не верил своим ушам! Еще она сказала, что Дороти тошнило целую неделю. По заверению врачей, виновником стала та самая каша. Девочка потеряла в весе 10 килограммов. Полли заверила, что потерпевшая скоро поправится, но эту кашу есть больше не будет.

Вечером того же дня, когда кот услышал это сообщение, хозяин пришел домой раньше обычного. Дерганый, уставший и заметно потрепанный, он даже прикрикнул на Юпи, вытворяющего сальто на диване в гостиной. Всю следующую неделю Грегори ночевал и дневал на работе. Животным приходилось кормиться самим, обычным сухим завтраком – они опрокидывали коробку с сухим завтраком на пол, хлопья высыпались на пол и делали счастливее голодных кота с собакой. По приходу домой, Грегори кричал на них, в кота он даже кинул тапочком. После потерянных миллиграммов и проснувшихся охотничьих навыков, эти двое одичавших были поставлены перед фактом: «мы переезжаем».

Никто из двуногих и представить себе не может, какой удар нанесли эти слова Юпи. Гризаиль терял круг общения и несколько кошек своего большого сердца, но его потери не могли сравниться с тем, что происходило в большой лондонской жизни маленького Чихухуа:

– По понедельникам я гулял с Жу-жу. В четверг грыз корень помеченного мною дерева в парке. А всё воскресенье гонял голубей по Трафальгар Сквер. У меня была жизнь! – вспоминал Юпи.

Они попрощались с просторным английским дуплексом и оказались на Маунт-стрит, на крыльце дома №17. Линкольн был компромиссом между не самым безопасным районом Лондона и ближайшим отелем – клоповником во всё той же британской столице. До того щедрый заказчик, на тот момент погряз в долгах перед адвокатами, взятках руководящим инстанциям и прочем грязном белье.

У «каши» больше не было ни денег, ни времени на оплату услуг Грегори. Вся сказка, придуманная им про фею Йами, закончилась с первым рвотным порывом Дороты. Эта история, уже больше похожая на триллер, наделала достаточного шума, чтобы «мистеру Паркеру отказывали во взятии на должность графического дизайнера» пусть даже по надуманной причине. Никто не хотел даже косвенно связываться с чёрной славой феи Йами. Очень скоро Грегори понял, что упоминание имени этой левитирующей женщины в резюме – ошибка.

Производство каши, как продукта питания, вовсе не касается человека, который пытается эту кашу продать: рисунками, мультиками или рекламными роликами. Однако случившееся с Дороти – маленькой девочкой с Востока – имело широкий резонанс в обществе. То ли потому что пострадал ребенок, то ли потому что у Дороти папа мигрант. А может вся соль в том, что упаковка и теле-радио реклама цитировала каких-то педиатров. А те, в свою очередь, уверяли, что каша безопасна для молодых животиков и содержит много питательных и витаминных микроэлементов.

Когда маленькая Дороти отравилась, производителя обвинили (в юридической стилистике, конечно) во лжи. И даже после всего этого Грегори обещал питомцам, что жизнь «в небольшом, но культурно обогащенном городе», пойдет им всем на пользу. Юпи перестанет просыпаться от городского шума по ночам, а Гризаиль получит возможность гулять близ дома. Грегори не знал, что его кот самостоятельно подарил себе такую регалию: он гулял и царствовал по улицам Туманного Альбиона, имел около трехсот отпрысков на территории двух центральных районов города и, честно говоря, чувствовал себя вполне комфортно. Его ни разу не загребали в питомник для бездомных животных, а местные дети и того лучше – подкармливали кота свежими фруктами из собственного ланч-бокса. Человек находился в счастливом неведении и продолжал запрещать «домашним» выходить за пределы их дома. Хозяин аргументировал запрет тем, что «на улице вас могут ждать психически неуравновешенные люди; бесшабашные до котёнка или щеночка дети; на вид безобидные, а по сути, глубокие лужи, в которых может утонуть тот же Юпи; а еще простуда, микробы, паразиты и вирусы». Этими словами часто апеллировал и сам Юпи, когда Гризаиль или, как ласково называл своего кота Грегори – Гризли – взывал пса к его мексиканскому бесстрашию перед любыми границами и преградами. В том числе, шутил кот, государственными.

– Сколько можно болеть? – укорительно спросил кот пса.

– Мне станет легче, если ты включишь «Балто», – страдальческим тоном ответил Юпи.

– Я всё знаю, Юпи, – с особым безразличием отрезал Гризаиль. Фраза подействовала на собаку отрезвляюще, он даже нашел в себе силы оторвать мордочку от дивана.

– Знаешь что? – презренно уточнил он.

– Ты не болен. – Спокойно заключил кот. – Ты просто жулик! – прошипел он, усевшись около все того же дивана.

– Ты просто завидуешь, – снова улёгшись поудобнее, парировал собеседник.

Гризаиль не смог дать достойного ответа, поэтому просто запрыгнул на больничную койку Юпи, бывшую, по сути, диваном.

– Ты эгоист. – Нашёлся с ответом кот.

– Тогда давай болеть вместе, диван большой. – Беззаботно предложил Юпи.

– Ты неисправим. – Хвост Гризаиля вырисовывал в воздушном пространстве всевозможные искривления. Прикрепи к нему кисть с краской, получилась бы глубокомысленная картина школы абстрактного экспрессионизма под названием «Хищник в гневе».

– А чего ты от меня хочешь? – пёс резко встал на все четыре лапки, – я маленький! Я ничем не могу помочь хозяину. Моя порода предназначена для людей без забот, нужд и вообще каких-то стремлений в жизни. А, значит, и без проблем, – понутив голову, сообщил он. – Мне кажется... – не успел он договорить, как его левое ухо пронзила острая боль. Из пасти вырвалось жалобное скуление и все четыре лапы унесли животное подальше от эпицентра опасности. Пёс оказался в противоположном конце дома. Забраться на второй этаж ему помешала минутная слепота от перенесённого им ранения.

Гризаиль вальяжно разлёгся на весь диван, равнодушно наблюдая за собачкой-метеоритом.

– Наш человек переживает трудные времена. А ты заставляешь переживать его еще больше, прикинувшись больным. Вы, маленькие собачки, очень болезненно переносите реа-

лии жизни. По сути, если ты пропадешь из дому, никто ничего не заподозрит. Ещё одна маленькая глупенькая псина вышла погулять и забыла, куда нужно было вернуться. Ничего странного. Дело закрыто.

– Прекрати мне угрожать! Я тебя покусая! – усердно гавкал Юпи в ответ из ванной комнаты. По кошачьим домыслам, пёс находился непосредственно под ванной.

– Если у тебя есть более трезвые идеи по выбиванию из твоей сравнительно небольшой для засеваемой в ней огромной глупости головы, можешь поделиться. Но, вообще, говорят, в таких случаях помогает психотерапевт, – вроде бы закончил Гризаиль. – Ой, погоди: есть еще вариант с электрошоком, – как бы невзначай вспомнил он.

– Прекрати-и-и-и-и! Прекрати, прекрати, прекрати! – как мантру громко повторял маленький Юпи, обнажив два своих клычка.

Юпи не отличался скверным характером или антисоциальным поведением. Это был воспитанный, тихий и ухоженный Чихуахуа. Короткошерстый и практически полностью рыжий – пузико у него было белое. Этот пес просто не умел ввязываться в споры или доказывать свою правоту клыками. Он мог пересчитать по пальцам одной лапы, сколько раз за всю жизнь, он громко лаял, а сколько скалился.

Нетрудно было привести подсчёты и его плохого настроения. Подобные вещи случались с Юпи крайне редко. А недавно он даже начал догадываться, что ни разу так и дал волю своей животной сущности. Этому противостояло воспитание, заложенное в песенка его Человеком – Грегори.

Юпи был настолько домашним псом, что даже его лай звучал как-то приглушенно, будто собака понимает, как это некультурно – громко и бесперебойно кричать. В общем, Юпи всем своим видом и действиями являл собой образ самого домашнего и семейного пса, что только жил у Человека за последние несколько тысяч лет.

Гризаиль окончательно оккупировал диван. Кончик его хвоста свисал с подлокотника.

– Вылезай оттуда, – позвал он пса. – Нам необходимо выстроить план действий.

Медитационные вопли прекратились. Уже через секунду коготочки Юпи зацокали по плитке на полу в ванной комнате. Подобно любой оскорбленной собаке, Юпи сохранял строгое выражение морды и такой же острый и пристальный взгляд, каким он смотрел на Гризаиля, когда того только-только принесли в дом.

В тот день чистая и непорочная душа псёнка ощутила в себе червоточинку – пёс был совсем не рад новому сожителю.

– Почему ты всегда командуешь? – негодовал Юпи.

– Потому что ты всегда подчиняешься, – пояснил кот.

Псёнок угрюмо уставился на кота, давая понять, что ему вовсе не пристало выполнять команды представителя вида, гоняемого и шпыняемого дальними родственниками Юпи. Он зачастую не понимал, кто первый друг человека: кот или пес? И почему он, Юпи, такой маленький и не в силах защитить своего Человека от всего, что того расстраивает и вынуждает лишний раз не погладить любимого питомца. Пусть небольшого, немохнатого, но, всё-таки, питомца.

– Что? – Гризаиль заметил его недовольный взгляд.

– Забудь. – Отмахнулся Юпи.

Кот принял вертикальное положение. Прочистив горло, он начал речь:

– Объявляю собрание питомцев Грегори Паркера открытым.

Началось, пронеслось в голове Юпи.

– Я, чарующе обворожительный, неиссякаемо великолепный, непреднамеренно обаятельный кот Гризаиль породы Мэйн Кун вынужден отметить, что этот год не задался с самого

начала. Сначала Юпи потерял на прогулке свой шарфик. Через месяц Медиссон прищемила мне хвост табуреткой. Потом у нас долгое время гостили брат Грегори Руперт с супругой...

– Ты хотел сказать «сидели на шее три месяца», – поправил его песик, но кот не соизволил обратить на его едкий комментарий ни капли своего внимания. – Прекрати уже это лексическое хвастовство! – взвыл Юпи.

Каждое «собрание питомцев Грегори Паркера» начиналось и заканчивалось одинаково: Гризаиль приводил как минимум три свойства своей внешности. Таким образом он лишний раз подчёркивал то кошачье, что в нём было. То есть все. Туда входила и, казалось бы, беспричинная гордость тем, что он родился котёнком. Отдельным поводом для счастья было того, что кот считал себя любимцем Грегори. Это придавало Гризаиллю уверенность для демонстративного высокомерия и пафоса по отношению к Юпи.

– Затем Полли рассказала всем на радио о случившемся с ябедой Дороти. И вскоре мы оказались здесь, – подытожил кот.

– Ты забыл об ограблении на Риджент-стрит. У хозяина украли кошелек, где были права, визитки, кредитки, деньги и, самое важное, наши портреты. – Напомнил Юпи, напрочь забыв о его неудавшихся вложениях Грегори в собственную студию дизайна.

– Святая сгущёнка, как только можно было словить на себе столько негатива от Вселенной за чуть более, чем полгода? – вслух задался вопросом Гризаиль.

– Надо просто вставать пораньше. Или оказываться в ненужное время в ненужном месте. Ничто из этого мне пока не удавалось. – Признался пёс. – Вообще, они, – Юпи кивнул головой в сторону окна, за которым мисс Челлингтон убирала с дорожки опавшую листву, – горазды в равной степени, как попадать, так и создавать различные условия для возникновения в своей жизни тёмных полос, переулков и даже перекрестков, – процитировал пёс. – По крайней мере, именно так мне рассказывал Бадди, старый и мудрый сенбернар Руперта. – Юпи увидел непонимание на морде Гризаиля. – мы с Грегори когда-то жили у Руперта. Перед тем, как хозяину предложили хорошую работу. Я был щенком, в то время у брата нашего человека был Бадди. Очень мудрый пёс, между прочим, – настаивал Юпи. – Именно он рассказал мне всю историю человечества и собачества. Поверь мне, там не было ни слова о кошках, – отметил он. – Человек и дня прожить не мог своего пса. Даже охотились мы вместе. – Юпи принял почти выставочную стойку.

Гризаиль фыркнул.

– Собаки, – прошептал кот. – Компаньоны. Друзья. Приятели. Няньки, – Гризаиль говорил с особым, тёмным презрением. – Существа, наделенные правом, – он запнулся, – вернее сказать, обременённые обязанностью защищать и оберегать. Любить и заботиться. Помогать и, что самое омерзительное, выслушивать человека. – Юпи сплотнул от нагнетаемой котом атмосферой ужаса. – Когда мы, КОШКИ, – шерсть на спине животного вздыбилась как наэлектризованная. Всегда пушистое и грузное тело изогнулось в волнообразной форме, – созданы с миссией управлять и властвовать над этими жалкими, слабовольными, ни на что, кроме поднесения корма к кошачьей мордочке, негодные...

– Ты забываешься, – осмелел Юпи. – Ты говоришь о Грегори. О нашем Грегори!

Имя любимого Человека подействовало на кота магическим образом. Из пушистой мочалки он обернулся Мейн Куном с роскошной насыщенной глубоким серым оттенком шерстью и шикарными, будто накрахмаленными, усами.

– Мне кажется, ты просто завидуешь. – Пристально глядя на кота, поделился своим наблюдением Юпи.

Гризаиль демонстративно отвернулся в другую сторону, делая вид, что изучает висящую на стене картинку «Кот и Пёс», купленную в одном из супермаркетов Лондона.

– Не делай вид, что ты меня не слышишь!

– Я слышу чей-то писк. – Ответил кот. – Пойду, поем. С детства не перевариваю пустословие.

– Я всё слышал! Я немышь! О-О-О-О-О-Х-Х-Х-Х. – Юпи завалился на спину, понимая, что ему не суждено выиграть этот спор. Каждый раз, когда он приводил самый суровый, жесткий и, по сути, им же выдуманный аргумент про кошачью зависть собакам, Гризаиль «выходил» из разговора посредством одного поворота головой.

Кот мог игнорировать монологи Юпи часами. Своё непробиваемое спокойствие и железную выдержку он списывал на близкое родство с королем зверей, который тратит на сон большую часть своего времени. Кроме того, этот Большой Кот непостижимым образом остаётся в своем уме, имея столько жен. А все коты знают, как тяжело бывает просто сожительствовать под одной крышей с одной-единственной самкой. Именно поэтому Гризаиль обзавелся пассиями из разных частей центральных районов Лондона. Ни одна из них даже не подозревала о существовании в жизни Гризаиля еще одной «рыбки», «кисы» и «муррзыки его сердца». Все было устроено таким образом, чтобы его жены не могли встретиться ни при каких обстоятельствах. Гризаиль гордился этим фактом своей биографии.

Мучило лишь то, что он никому не может об этом рассказать. Он по себе знал о болтливости и завистливости котов. Кто-то из посвящённых мог доложить о ветреной натуре Гризаиля одной из его кошек, что тут же скажется на его семейном положении.

Гризаиль спрыгнул с дивана и поплелся в сторону кухни.

– Куда ты пошел, мы же...

– Ах, ну да! – загорелся кот. – Мы же должны закончить собрание! Но прежде, – предупредил он, – нам с тобой, – Гризаиль смерил Юпи своим холодным золотистым взглядом, – необходимо помочь хозяину выбраться из всей этой передраги.

– Как? Что мы можем?

– Мы его животные. Мы прекрасно понимаем, что с переездом сюда условия жизни ухудшились втрое. Исчезли привычные комфорт и умеренность. Каждый, включая самого Грегори, что-то оставил в Лондоне. Хозяин был бы вправе отчаяться. Но только не мы, Юпи. Баст¹ не без доброго умысла создала меня. – Юпи глубоко вздохнул. – И не без причины сделала так, чтобы из всех котят Грегори выбрал именно меня. Пусть я кот. И нет у меня ни рук, ни водительских прав, ни миллионной армии, но я принесу своему человеку максимум пользы. Что касается тебя, – он уныло осмотрел Юпи, – то мы оба непривычны к тому корму, которым теперь нас кормит Грегори, но нам принципиально важно это есть, так как ни один из нас не хочет доставлять ему лишних хлопот в этот сложный для него период. Наша задача – обеспечить его поддержкой и помощью во всём, не ограничиваясь вилянием хвоста перед прогулкой и трением о ноги перед завтраком. – Кот говорил так воинственно, будто перед ним не маленький Чихуахуа, но армия натренированных немецких овчарок. – За сим я, непринуждённо прекрасный, отличительно наикрасивейший и бесконечно грациозный кот породы Мейн Кун, объявляю собрание закрытым, – закончил он и развернулся к выходу.

В следующий миг он оказался у двери, ведущей на улицу.

– Что ты собрался делать? – бросил пёс вдогонку.

– Призвать Вселенную на помощь Грегори, – только и успел прокричать Гризаиль перед тем, как его хвост исчез в проделанном в двери отверстии для животных.

На самом деле он понятия не имел, что он будет делать.

¹ Древнеегипетская богиня домашнего очага, радости и плодородия. Изображалась с головой кошки. Является покровительницей всех кошачьих. Не пытайтесь убедить свою кошку в ином

Игуана, гуляющая сама по себе

С этим котом явно всё не так просто, подумал Драго, гуляя по спинке дивана.

Миссис Челлингтон ежедневно выпускала рептилию размять лапки по дому. Излюбленным местом игуаны считалась спинка дивана. С неё идеально просматривалось происходящее на крыльце дома напротив.

Драго привык видеть представителей семейства кошачьих валяющимися на хозяйском кресле, выпрашивающими всё подряд с хозяйского стола самыми примитивными методами и вообще мало интересующимися миром вокруг себя, существами. Иначе себя вел только этот златоглазый кот. В каждом его движении, перемещении или действии, Драго видел не то бесцельное прозябание в действительности, что было присуще всем кошачьим, но в абсолютное осознанное исполнение своей собственной, глубоко индивидуальной роли в общей для всех реальности. Проще говоря, у этого кота были мозги.

Мистер Челлингтон как-то сказал: любопытство – признак разума. Фразу эту он выхватил из воспоминаний о своем австралийском детстве.

Однажды вечером, важно сказать, австралийским вечером, Лукас и друг, чьего имени он уже не помнит, забрели на пустынный, никем, кроме парочки пернатых, не облюбованный пляж. В то время, когда одна половина континента давно разгуливала по дому в домашних тапочках, а другая разглагольствовала о смысле жизни, сидя в баре, двое мальчиков заканчивали очередной будний день, распластавшись, как морская звезда, на песке.

Безымянный мальчишка залился хохотом. Лукас повернул голову в сторону приятеля – тот активно шевелил руками и ногами, лежа на песке. Затем он резко поднялся, чтобы отряхнуться. Его друг оставил на песке нечто похожее на «снежного ангела». Их обычно «вырисовывают» дети, живущие там, где зима и лето имеют массу отличий. Здесь же мальчишкам и девочкам приходилось импровизировать и вырисовывать ангельские силуэты на песке, а не на снегу, как это было принято в других частях света.

Громко выдохнув, безымянный мальчик спустил с себя шорты, снял футболку и побежал к океану. В миг вода поглотила маленькое голое тельце. На секунду Лукас остался на берегу один. Через мгновение мальчишка вынырнул. Вечернее купание становится в два раза приятнее, когда тебе его запрещают родители. Закрыв лицо руками, безымянный товарищ еще раз окунулся. Вынырнув, он принялся звать с собой Лукаса. Тот в ответ замотал головой. Ему совсем не хотелось покидать тёплый песочек. И купаться он предпочитал в домашнем бассейне, так как опасался океанской живности.

Купальщик начал кривляться и бросать в друга всякого рода ярлыки. Трусость, излишнее послушание родителям – немного из того, что узнал о себе начинающий скучать на берегу мальчик. На этом представление не закончилось. Даже с посиневшими губами, приятель-без-имени продолжал звать Лукаса. Но тот его уже не слушал.

Устав выслушивать обиды, юный мистер Челлингтон посмотрел в ночное небо. Его, как всякого любопытного ребёнка, интересовало, сколько же звезд на небе? Этой ночью он надеялся сосчитать все. И его так увлекло это занятие, что он почти перестал слышать поддразнивания, что доносились напротив. Сначала он не придал этому никакого значения, так как количество звезд на небе его интересовало куда более, чем источник оскорблений и всяческих притязаний на его человеческое достоинство.

Лукас начитал 1 000 горящих точек и понял, что за одну ночь ему с этим делом не справиться. Голоса друга слышно уже не было. На Лукаса с немой претензией уставилась океанская гладь. Несостоявшийся звездочёт ринулся на поиски приятеля: он кричал, звал его по имени, которое он тогда ещё помнил; оббежал кромку берега, до конца надеясь, что при-

ятель просто уплыл куда-то. Ему очень скоро пришлось признать: мальчик исчез. Напуганный он рванул с пляжа в сторону центра города. Он бежал, не останавливаясь. Оказавшись в кабинете шерифа, он не мог вспомнить, как оказался там. Да и не пытался. Криком, жестами, нечленораздельной речью, испуганный мальчик убедил старого и располневшего мужчину проследовать за ним, на пляж.

Дальше дыра в памяти. Позже детский психолог расскажет чете Челлингтонов что-то об этом и посоветует им сделать все возможное, чтобы этот детский кошмар больше никогда не потревожил нежную психику их ребёнка.

Лукас Челлингтон, уже старик, не помнил имени погибшего в детстве друга. Как не помнил и того, как он добежал до кабинета шерифа. Единственное, что он помнил так же точно, как собственное отражение в зеркале, так это то, что он увидел после того, как тело... то есть то, что от него осталось, вытащили на берег. Солнце только встало, а пляж, до этого немногочисленный и тихий, кишел репортёрами, полицией и простыми зеваками. Детей туда не пускали. Пляж огородили лентой. Взрослые прижимали к себе своих отпрысков, не давая при этом им протиснуться меж взрослых, дабы чадо не увидело залитый кровью песок.

Если одни родители были в состоянии удержать ребёнка или же покинуть злополучный пляж вместе с ним, то чета Челлингтонов отлёживалась в утреннем полудреме в мягкой постели. Они пребывали в твердой уверенности, что Лукас, которого они забрали в первом часу ночи с пляжа, где пропал, как они позже будут говорить, «тот мальчик», сейчас находится в своей кровати.

Без ведома родителей и точно не с согласия на то шерифа, Лукас прополз по песку мимо шлёпанцы, кроссовки и босоножки. Получив по затылку пару затрещин от чьих-то явно несезонных ботинок, мальчик дополз до того места, что было огорожено красно-белой лентой. Ему пришлось потеснить некоторых, чтобы выпрямиться – он должен был видеть, что там происходит. Полицейские загородили собой «ангела» на песке. Расстроенный Лукас притопнул ножкой. Ему непременно нужно было увидеть, что с таким старанием охраняют полицейские от любопытствующих глаз. Он сам не понял, как ему хватило храбрости пересечь натянутую, как нерв, красно-белую ленту. Что-то подтолкнуло его сорваться с места и побежать к океану. Он знал, так надо. Так будет правильно. Полицейские, что ещё минуту назад закрывали собой темнеющее пятно на берегу, уже махали руками перед мальчиком в знак того, что это зрелище не для его детской психики. Сам он, пребывая в полном спокойствии, сидел на горячем песке. Сложив руки биноклем, он посмотрел туда, где до этого, подобно осам, копошились полицейские и прочие слуги Фемиды. И он увидел.

На окрашенном в цвет крови песке лежала большая рыба туша. Ее плавник Лукас уже видел и не раз. По телевизору, в программе о животных. В выпуске, посвящённом «Монстрам из глубин». Треугольный флаг, маяк опасности, больше ему не суждено рассекать собою водную гладь. Его верхний угол надломлен. По краям множественные царапины. На них застыла запекшаяся кровь.

Старый мистер Лукас помнил как, стоя в замешательстве, начал догадываться, что произошло здесь, на пляже, прошлой ночью. Из мыслей его выдернул подбежавший к нему законник. Он взял Лукаса в охапку и потащил вглубь кудахтающей толпы. Там он поставил ребёнка на ноги, накинул на него полотенце и, обращаясь к толпе, попросил всех успокоиться. У тела дохлой рыбы переминались с ноги на ногу двое человек. Они смотрели на изувеченное тело большой белой с профессиональным равнодушием. У одного из них в руке был чемоданчик с большим красным крестом на крышке. Второй до этого долго орудовал колюще-режущим предметом. Вся его одежда пропиталась кровью недавно зарезанной им рыбы. Рыбак. Это ему было поручено – разрезать акуле брюхо. Вызванный на место происшествия медик так и не пригодился. Для него было слишком поздно. Первый

вытащил из желудка акулы остатки того мальчика, чьё имя мозг Лукаса отказывается вспоминать и по сей день.

Ни рыбак ни медик, не обращали внимания на замершую толпу. Продолжающий в тупую смотреть на убитое животное медик, вдруг заговорил. Он указал пальцем на тело и вяло промолвил, что где-то слышал о том, что на самом деле акулы не видят в человеке источник пропитания. Откусывая руки и ноги загулявшим на волнах серферам, эти гигантские рыбыны либо путают их с морскими котиками, которыми вправду питаются, либо... просто хотят поиграть. Рыбак согласился: быки, участвующие к корриде, вовсе не хотят убивать. Бычок элементарно играет с человеком. И искренне убеждён, что человеку это дело приносит не меньше удовольствия, чем ему самому. А что касается акул, так они аналогичным образом не проявляют агрессию, кусая, а то и отрывая человеческие конечности, они следуют не менее древнему и, с точки зрения эволюционной, важному инстинкту, чем добыча пищи или размножение. В такие моменты акула удовлетворяет... своё любопытство.

Лукас отвернулся. Ему стало противно до омерзения, когда он представил, как большая белая акула с острым треугольным плавником на мощной спине и маленькими черными глазками-бусинками на жуткой морде, проявляет свое «любопытство» к живому человеку. Мальчику, имя которого Лукасу уже не дано будет вспомнить. Мальчику, которого сгубило его собственное любопытство. Что случится, если он разок ослушается родителей, да и пойдёт купаться вечером, да еще и на тихом, неприметном для людей пляже?

Долгое время Лукас будет бояться глубины и темноты – квинтэссенции всего непонятного, непознанного, таинственного и пугающего. Только достигнув половозрелого возраста, вместе с водительским удостоверением он получит и иллюзию собственной безнаказанности. С ним ведь ничего не может случиться. В противовес всем историям, что начинаются со слов «группа подростков», с Лукасом Челлингтоном и правда – ничего не случилось. Вплоть до его преклонных лет, когда людям действительно начинает хотеться, чтобы с ними хоть что-нибудь приключилось. Для этого они выдумывают болячки и сами же создают панацеи.

Пусть мистер Челлингтон ещё не достиг возраста, когда люди ходят по врачам просто для того, чтобы получить порцию внимания, однако, он успел перечитать все книгоновики жанра приключений, что завозили к ним в книжную лавку каждый месяц. Из одной он, видимо, и почерпнул то самое «любопытство – не порог». Драго был с ним полностью согласен. Именно поэтому он не видел ничего предосудительного в том, чтобы исчезнуть из дома на пару часов. А потом «найтись» на верхней полке книжного шкафа в гостиной, где его обычно ищут в последнюю очередь. Игуане было невтерпёж познакомиться с новоселом из дома №17. А заодно совершить давно спланированное приключение, получившее в сознании ящера название «Любопытство? За порог!».

У всех есть скелеты в шкафу. Иное дело обстоит с теми скелетами, что мы каждый день несём на себе крестом. Неудачи, разочарования, расстройства и прочие неурядицы, сплетаются в одну длинную, толстую и крепкую костяную цепь, которую мы сами надеваем на собственную шею. Её габариты могут достигать небывалых размеров. Зачастую мы прогибаемся под её весом. Можем даже сознательно отказаться от значимой части самой жизни из-за доминирования этой костяной цепи над нашей личностью.

Крупная особь такого паразита давно жила припеваючи на шее невестки миссис Уиллс.

За последнее время, а точнее, за первые 5 месяцев беременности Джуди, костяной клещ девушки стал шире и тяжелее в несколько раз. Увидь она его аналогично хорошо, как это получалось у Гузи, ребёнок мог бы родиться на несколько месяцев раньше положенного срока.

Гузи или, как его прозвали местные бездомные коты, Циничный Котик, с первых дней жизни отличался от остальных своих собратьев. Будучи слепым котёнком, он уже слышал людей так, как это не было дано ни одному другому котёнку из его помета. Сейчас Гузи было три года. Он прекрасно видел и не менее хорошо слышал. Его сиамское голубоглазое величество знали во всем Линкольне. А кто-то даже был в курсе его необычной способности – видеть в людях то, на что сами они закрывают глаза. И о чём зачастую ноют друзьям, родственникам, коллегам или личному дневнику, ведомому ими на открытых просторах интернета.

Этот редкий дар позволял трехлетнему Гузи разбираться в людях не хуже, чем это делали 80-ти летние представительницы рода человеческого. Нередко его знаниями интересовались некоторые личности из мира собак и кошек. Многие хотели использовать дар Гузи в собственных целях. Основным источником информации кота являлись письма жителей Маунт-стрит. В прошлом году Гузи нашел в себе удивительный навык – чтение запечатанных писем. Важно, чтобы текст был написан от руки. Только так бумага впитывала в себя то, что хотел сказать автор. Печатные тексты оставались для Гузи непонятными. Бумага «писем», выходящих из принтера, впитывала в себя только запах чернил, да и только. Ни капли личностных переживаний, ни миллиграмма чувств, совсем без души – именно так Гузи видел и чувствовал всё, что люди печатали, а не писали.

За рождением одного такого печатного, а, соответственно, неинтересного, письма, Гузи сейчас наблюдал, лёжа на тёплом подоконнике. Каждая новая строчка, казалось, доставляла старенькому принтеру жуткие мучения. Котик начал было думать, что этот правнук печатной машинки находится при смерти. Настолько звуки, издаваемые им при печати, походили на старческие стенания на смертном одре. Очевидно, машинка каким-то образом понимала, что печатала. И с каждой новой строчкой впадала во все большее уныние перед напрасной тратой чернил. Джуди взяла распечатанные документы.

– Будешь готовить со мной сегодня? – спросила она Гузи.

Я не готовлю, я только ем. Да и тебе пора понять, что расти и развиваться внутри тебя должен ребёнок, а не твой желудок, подумал про себя он.

– Смотрю на тебя: ты такой красивый! – её рука приготовилась напасть на мирное существо Гузи. Слава богу, тот успел увернуться и спрыгнуть с подоконника.

Почему меня обязательно надо трогать!? Почему они не могут просто пройти мимо!?

Гузи продолжал свирепствовать, а лапы уносили его прочь из дома.

Спокойствие нашло на его сиамское величество только за порогом дома. Миссис Уиллс опять неплотно закрыла дверь. Как она это обычно делала, когда миссис Челлингтон устраивала осенние чаепития в своей беседке. Миссис Уиллс не считала за собой должным закрывать дверь, когда она сидит на посиделках у Кэрролл.

Таунхаусы – ещё одна маленькая английская традиция. Благодаря этим сплочённым, стоящим бок о бок домикам, живущие в них люди не опасаются ни за себя, ни за домашних. Поэтому миссис Уиллс не считала должным запираť за собой дверь, когда сама она уходит к Челлингтонам. На Маунт-стрит все друг друга знали, хоть и не факт, что любили. Соседская недоброжелательность не выходила за пределы роспуска сплетен и оценивающих взглядов на выращенные клубни цветов.

– Привет, жестокий мир, – подытожил Гузи.

Сегодняшний день не предвещал для кота ничего интересного. В общей для всех жителей Маунт-стрит действительности царствовал безрадостный английский полдень. Единственное, что сглаживало всю эту серость и неприглядность – свежая порция писем. Её должны были доставить с минуты на минуту. Почтальон по имени Сэнди если и не стал котику другом... но видеть его ему хотя бы хотелось, чего наш кот не ощущал к той же

Джуди, надоевшей постоянным нытьем ещё до своей беременности. И всевозможными «поводами» для нового монолога о том, «что её не устраивает сегодня».

Потянувшись, кот направился к почтовому ящику своей семьи. Однако он быстро передумал, вспомнив, что ничего, кроме рецептов от прабабки миссис Уиллс, он из ящика не узнает. Замявшись, он начал выбирать между почтой Паркера и Челлингтонов. Смякнув², что Паркер – это недавно переехавший в Линкольн человек из Лондона, кот впал в ступор.

– И это всё, что я о нём знаю? – сам себе удивился кот. – Необходимо это исправить!

И он тихо и одновременно резко, подобно тигру на охоте, прошмыгнул к почтовому ящику дома №17.

Никто ранее не производил на Гризаиля столь внезапного, но лаконичного впечатления, как это сделал Гузи. Тот занял место на почтовом ящике Паркеров. Спрятав под себя передние лапки, он посмотрел на дорогу. Маршрут почтальона Сэнди, пожилого мужчины, разносившего прессу и письма по Маунт-стрит в течение последних двух лет.

Сиамское величество пребывало в полном спокойствии, несмотря на то, что его смертная плоть находилась, считай, на территории Гризаиля, который только что выбежал из дома во имя спасения шкуры своего хозяина. Примерный питомец последовал бы и дальше, на Бартон-роуд, но, увы, Вселенная, имела свои планы. Гризаиллю пришлось остановиться. На их новом почтовом ящике лежал и царствовал чужой кот. Разумеется, на Гризаиля такая картина произвела безоговорочно негативное впечатление. В тот момент, когда взгляды и величие двух родственников Царя Зверей встретились, меж котами пробежала искра вопиющего непонимания.

Гризаиллю редко приходилось делить свои владения с кем-то ещё. Даже Юпи не позволял себе пройти в дверной проём первым или не согласовать с Гризаилем расписание регулярных набегов на остатки ужина в холодильнике. Только что вышедший из дома котик понял: к действительности Маунт-стрит он имеет гораздо больше вопросов, чем прежде. И ответ хотя бы на один из них он планировал получить прямо сейчас. Исходя из своего высокого самомнения, он рассчитывал и вовсе не задавать вопрос, полагая, что «тут и так всё понятно».

Что-то его, храброго и пушистого, притормозило. Никто не должен был знать, чем он занимается. Для всех он должен оставаться либо ещё одним блаженным котом породы Мейн Кун, либо одним из тех ночных охотников на мышей и крыс, что днём перевоплощается во всё того же блаженного домашнего любимца. Ни в коем случае нельзя было допустить огласки того, что Гризаиль подался на «собачий фронт».

Лучшее и меньшее, что его ждёт – отсутствие уважения со стороны остальных котов. Тех котов, что будут ходить по тем же дорожкам, что и он сам. Шарить в тех же мусорных контейнерах, что и Гризаиль. Их туалетные кустики, конечно, окажутся неподалеку друг от друга. И если хоть кто-то из этих «будничных соседей» узнает, что Гризаиль – представитель благородной кошачьей породы – перешёл человеку в услужение, несмотря на все достоинства, наш Мейн Кун потеряет всякий шанс на вход в кошачье сообщество Линкольна.

Слухи, сплетни и величайшее презрение – моментально перельются за границы одной лишь улицы. Лишь спустя много лет, на выжженных полях самолюбия взойдёт-таки новый росточек. Он придаст тонко чувствующему и высоко мыслящему котейке сил и надежды на лучшее. И он сможет вновь попытаться счастья влиться в светское кошачье общество города. На тот момент, от тех котов, что стали свидетелями слабости Гризли, останутся разве что перепроданные хозяевами после смерти любимца лотки.

² смекнуть, кошач

Всё это станет возможным уже после 9-й жизни Гризаилья. Жизни яркой и долгой. Котам не положено проводить и одну свою жизнь в извинениях, мольбах о прощении и услужливости. Каждый день жизни этой вершины творения Природы предназначен для отдыха, релаксации и умственного с духовным возвышения над остальными обитателями Земли. Проще говоря, альтруизм грозил выкинуть Гризаилья из светской жизни города на очень долгое время. Никто не должен узнать, что наш кот тратит своё драгоценное время на благосостояние собственного хозяина! Он очень любит хозяина, но он не может допустить и мысли, что весть о его «кошачьих подвигах во имя Человека» разлетится по округе. Округе, где он ещё не успел освоиться, заручиться друзьями и хоть каким-то влиянием.

Гузи хранил молчание. В кото-иерархии на Маунт-стрит он давно занимал одну из высших позиций. Поэтому единственное, что его могло интересовать сейчас, это то, почему новосёл до сих пор не склонил пред ним голову, и с какой стати разрешает себе этот пристальный, сканирующий с золотистым оттенком, взгляд?

Они ещё немного поиграли в гляделки.

– Мне кажется, вы заняли мой почтовый ящик, – не выдержал Гризаиль.

– Вам не кажется, все так и есть. – Ответил Гузи.

– Вы не могли бы освободить от себя мой почтовый ящик?

– Увы.

– Это ещё почему? – недоумевал Гризаиль.

– Он мне нравится. – Парировал гость.

– Мне кажется...

– Вам стоит перекреститься, – прервал признание Гризаилья Гузи.

От такого хамства глаза Мейн Куна округлись подобно раскатанным оладушкам, что готовила сейчас миссис Лойс на кухне дочери.

– Ты, как я понимаю, новенький, – дерзкий переход на «ты» уничтожил все шансы Гузи на примирение с Гризаилем. – Меня зовут Гузи, – горделиво представился он. – Или Циничный Котик, – добавил кот. – Я читаю письма. Этим я живу и зарабатываю себе на высокое положение в кошачьем сообществе этого города. Я знаю всё и обо всех. Совсем скоро, – кот отвернулся в сторону, откуда начал доноситься напев какой-то песни, – почти сейчас. – Обратился он уже к Гризаилью, – я узнаю всё и о тебе, мой милый друг. И о твоём хозяине. От этого не убежишь. – Безразлично закончил он.

Гризаиль пребывал в оцепенении от самоуверенности этого мелкопородистого Гузи! Сиамская порода никогда не вызывала у нашего кота ни малейшего уважения. Мелкие, худые, со встроенным в мозг комплексом «маленького царька» коты – так он представлял себе собратьев Гузи.

Наш Мейн Кун считал, что единственным хозяином положения может выступать он – Гризаиль. Так было в нескольких центральных районах Лондона. Города, способного проглотить Линкольн и прибавить себе, от силы, пару станций метро. Кто этот Гузи вообще такой? Как он смеет вносить в планы Гризаилья смуту?

Помимо природного превосходства породы Гризаилья над Гузи, существовала необходимость поддержания имиджа «блаженного кота» и только в крайнем случае образа «ночного охотника». Сейчас Гризаиль был далёк от блаженности, а охотничьи инстинкты пребывали в глубокой спячке – служение во благо Человека делало кота уязвимым. Гризаилью оставалось успокоиться и делать вид, что он блажен, как никогда. Иная проблема заключалась в пристальном взгляде этого Гузи. Позже страх быть пойманным у «человека на посылках» перерастёт в паранойю. А пока – Гризаиль умеючи отфутболивал нападки Гузи.

– Единственное, что отгораживает тебя от верной смерти, так это моё хорошее настроение сегодня. В Лондоне я порвал на части соседского кота, просто посмотревшего масляным взглядом на мою кошечку. После нашей встречи он вернулся к хозяевам с разодранным

ухом, вырванным клоком шерсти с левого бока и расцарапанной в мясо мордой. Его людям пришлось нанять своему питомцу ветеринара, чтобы тот провёл анализы или даже назначил лечение. В любом случае, кот, осмелившийся посягнуть на мою территорию, подлежит немедленному устранению. Я могу смыть эту лже-царскую ухмылку с твоей морды за считанные секунды. Мои размеры и навыки позволят мне сделать из тебя чучело быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Другое дело, что я не хочу пачкать лапы, – он театрально всплеснул лапкой. – Сегодня я позволю тебе занять мой почтовый ящик. Я уйду в нужном мне направлении для свершения новых подвигов. В следующий раз я за себя не отвечаю, – ледяным тоном солгал кот. – Смякнул? Не дождавшись ответа, Гризаиль метнулся с места куда-то в сторону Бартон-роуд.

– Спасибо за предоставленную информацию, – еле звучно ответил Гузи.

Впервые его циничный ум не смог подобрать подходящего ответа, все нейрончики его мозга были заняты «обмозгованием» в совершенстве нового для их хозяина факта: на Маунт-стрит появился некто более дерзкий, чем сам Гузи. Проблема была, правда, не только в этом. В походке Гризаиля, взгляде и даже в его манере держаться, Гузи заметил все признаки... глубокой сознательности. Подобное свойственно собакам. Но не котам. Коты идут туда, куда идут. Чаще всего они даже не идут и не бегут. Они крадутся. Тайна -обязательная доминанта всего того, что делает кот. Иная ситуация обстояла с Гризаилем. С ним всё было непросто. Он излучал стойкую целеустремлённость. Он не думал о том, что на него смотрят или хуже – наблюдают. Будто на плечах этого кота висит крест, видимый лишь ему одному.

С такой грациозностью он поднимал и опускал лапы в процессе ходьбы. С таким упорством, не замечая ничего вокруг, он стремился куда-то. И вовсе не ради лакомства или поощрения. Этот кот был независим от подобных вещей. В каждом его движении Гузи видел трепетное предвкушение.

Предвкушение чего? Узнать это ему было не суждено. Котика это одновременно радовало и расстраивало. Безусловно, он всегда был «за» всё новое, о чём можно было бы не просто думать, но размышлять, анализировать, подытоживать. Короче, он был рад иметь информацию, которую можно было бы использовать для шантажа, слежки и циничных замечаний. С другой стороны, раскусить Гризаиля, казалось Гузи, будет сто крат сложнее, чем это было со всеми остальными его объектами.

Котика разморило от ощущения собственного великолепия. А перед этим чувством бессилён любой кот. Ничто в масштабе Галактики не может быть важнее и полезнее кошачьего самолюбования. Глупо и бесполезно даже пытаться растолкать кошака, когда тот погружен в мысли о себе самом. Довольственно закрыв глаза, Гузи принялся негромко намурлыкивать себе под носик мотив одного из классических музыкальных произведений П. И. Чайковского. Питомец был близок к иступлению, когда в его хрустальный мир ворвалось чьё-то громкое сварливое карканье. Момент был утерян – Гузи спустился на Землю.

Кинув в пролетающую ворону пару сальных выражений, котик попытался восстановить духовное равновесие. Ему не сразу удалось привести в порядок свои мысли и чувства. Решив, что плохое настроение следует просто переждать, он принялся вылизывать передние лапки. Занятие это действовало на кота терапевтическим образом: уже через минуту скверное настроение Гузи переродилось в светлое и лучезарное мироощущение. Лишь мысли о Гризаиле не давали эго сиама покоя.

По мнению сиама, этот Мейн Кун обладал излишней прямолинейностью, крайней непредсказуемостью и, возможно, страдал от бешенства. Сиамцу льстила собственная смекалка. И всё же его самокритичность (а кто безгрешен?) и страсть к деталям сделали своё дело. Эти два приятеля – близких родственники паранойи – породили в мире Гузи маленького монстра – беспокойство. Опасение, что дерзкий новичок обладает большей харизмой, чем сам он. И что когда-нибудь он затмит собою его сиамское величие. Гризаиль говорил

уверенно, без запинки. Каждое его слово утверждало, подытоживало и заверяло слушателя в правоте Мейн Куна. Этот кот обладал даром оратора и явно имел какое-никакое представление о риторике. Он знал, какие слова надо использовать, где стоит сделать театральную паузу и как из собеседника сделать сподвижника личных целей. Таких, как он... или как Гузи, слушают. За такими, как они, идут. Но Гузи не нужен преемник. Единственное, что, по его мнению, спасало ситуацию – он один слышал всё, что слышал. И он всё ещё самый универсальный и достоверный источник информации про всех и каждого в этом городе. Лишним поводом для радости послужило появление Сэнди. Гузи предвкушал валы новой, свежей, никем на Маунт-стрит «не подмеченной» информации. По крайней мере, он так думал.

Никто так и не заметил следящего за всем происходящим Драго. Тот расположился в ложе театра, созданного всемогущим Случаем, на ветке дерева.

Ящер готов был поклясться: это лучший день в его чешуйчатой жизни. Более наполненного фактами, явками и паролями дня, вспомнить он был просто не в силах. Конечно, все услышанное требовало немедленного распространения. Этот кот – Гризаиль – угрожал одному из жителей Маунт-стрит. В прошлый раз он чуть не свел в могилу одного зазевавшегося на прохожую кошечку кота. Драго гордился своей проницательностью.

В первую очередь об одичавшем и очень грубом коте узнают товарищи Драго. От безмозглого Руди до затворницы Бриллианта. Той старой кошки, что живёт в котельной Уэстгейтерской школы, где её подкармливает уборщик – мистер Ди. Новость об опасном и очень подозрительном новосёле разлетится по всему Линкольширу! Драго может и должен спасти тысячи невинных хвостиков! Благодарные стянутся со всех уголков графства, дабы узреть своего Героя. Ящер даже начал думать, что он очистит зачерневшую от золы репутацию своих фэнтезийных родственников – драконов. Его поступок пройдёт Пламенем Очищения по памяти двуногих, знакомых с ними только по жутчайшим детским сказкам, где автор чувствует себя обязанным расписать любого крупного ящера в самых кровавых и мясистых красках, какие только можно подобрать в человеческом языке.

По хладным жилам нашей игуаны потек тёплый поток хорошего настроения. Ящера не смутил даже начавшийся дождь. Он бы так и просидел на той ветви до вечера. Вернуться домой его вынудили самые обыкновенные и присущие даже самым бесстрашным героям голод и небольшая температура.

Шедевр кошачества

Гризаиль с детства отличался высшим кошачьим миролюбием и терпимостью к любой Божьей Твари, что встречалась на его пути. Однако утренний диалог с Гузи моментально вышиб добродушного Мейн Куна из всех привычных ему настроений. Злее и отважнее в выражениях, как этим утром, он давно не был.

У Гризаиля совсем не было времени на низкочастотные разборки, когда два взрослых кота шпыняют друг друга едкими любезностями, где каждое новое слово обрастает комментариями от старых кошёлков, которых, как отдельный вид, разводят старые девы. Первые проживают все 9 жизней, лёжа на хозяйском подоконнике, каждый день высматривая в окна новую сенсацию – тему для обсуждения на ближайшую неделю. Вторые души в них чают, лишь бы вся квартира пропахла старой кошачьей тушкой.

Котик направлялся на новое место работы своего хозяина. Ему предстояло провести длительное наблюдение за своим человеком. Этот джентельмен более не в силах управлять своей жизнью. Сейчас самое время для того, чтобы отредактировать жизнь Грегори. А еще выяснить причину, по которой Гризаиль и Юпи перестали узнавать своего хозяина. Место, где теперь работал Грегори, носило простое название – «Николсон Дизайн». Располагалось оно на Бартон-роуд: улочке с типично английскими домиками. Согласно английской чопорности и тяге к консерватизму, строения эти не отличались хотя бы минимальной архитектурной смелостью. Любая дощечка, каждый камень и тем более кустик, выдавали собой глупинно английское положение вещей: сегодня ты приличнее, чем всегда. И, дабы не опоздать, этим стоит начинать кичиться уже сейчас.

Гризаиль отыскивал нужное ему здание. Всему виной церквушка, умело функционирующая в качестве общественного центра. Грегори упоминал о ней в телефонном разговоре с родителями, когда рассказывал о новом месте жительства. Котик с трудом запомнил описываемый хозяином маршрут, так как в тот момент со стола за ним наблюдало овсяное печенье авторства миссис Паркер. Плетёную корзиночку с вкусно пахнущим содержимым передал Грегори проезжающий мимо Линкольна родственник со стороны его отца. Того, что был неспособен долго сидеть на месте.

Мистер Ричардсон колесил по всей Англии с очерками и заметками, которые в совокупности своей носили название «Жизнь Не в Лондоне». Каждой строчкой, каждым словом, каждой буквой он пытался уверить читателя, что жить лучше и можно в далеке от левостороннего движения, популярных кофеен и рыбных чипсов. Оказавшись в Линкольне, на пороге дома №17, мистер Ричардсон вылил на племянника водопад впечатлений от города, и обещал внести «эту точку» в свой сборник, который он планирует выпустить уже в следующем году. С этими словами он рассеяно запустил руку в корзину. Достав от туда пачку печенек, он продолжил удивленно озираться вокруг. Затем, запихнув одно из них себе в рот, умчался в свой старенький побитый и временем и обстоятельствами универсал. Грегори с пониманием помахал вслед отбывающему автомобилю. Дядя просигналил в ответ.

Мистер Паркер был привычен к такому раскладу. Его дядя всегда отличался странным поведением. А вот печенье миссис Паркер он любил. Та готовит их, когда волнуется. В спокойном расположении духа она пекла толстые и очень вкусные блинчики. По классике жанра, блюдо подавалось с двумя вариантами для начинки: клубничный джем и мёд. Важно сказать, что тот же Грегори мог слопать десяток маминых блинов и без топпингов, так как они, по его мнению, заглушали вкус самих блинчиков.

Далёкий от тех самых блинчиков, сегодня Грегори завтракал мюслими дома, а на ланч давал пятак автомату, откуда, что ни день, вываливались шоколадные батончики и газировка.

Офис «Николсон Дизайн» расположился в двухэтажном доме. Проходи вы мимо, вы бы не обратили на него ни малейшего внимания. Настолько тускло и незначимо выглядела постройка. Гризаиль прошмыгнул на участок. Ухоженные кусты и несколько цветочных клумб не прибавляли общему виду домика ни прелести, ни уюта. Большие окна пустовали полусонной темнотой. Гризаиль начал думать, что ошибся адресом, пока не услышал шаги. Пригнувшись, он спрятался в кустовой растительности перед фасадом.

За шагами последовал голос. Женщина, явно чем-то недовольная, чеканила все ругательства мира в адрес другого. Этот «другой», как догадался наш Мейн Кун, слушал её на другом конце провода. Дверь с размахом распахнулась. За ней, на пороге, стояла высокая блондинка крупного телосложения, пытающаяся закурить от зажигалки. Осознав кончину прибора, женщина откинула его на подоконник.

В следующую секунду из её уст раздался вопль «У кого есть зажигалка!? Эта умерла». Не получив утвердительного ответа, женщина вышла во двор. Всё это время в правой руке она держала трубку мобильного телефона.

– Микки, я должна точно знать, когда будут готовы флаеры... Нет, не надо перезванивать. Лучше скажи прямо сейчас. Да, я повешу... нет, меня не устраивает. Я понимаю, что ты типограф, а не супермен, но я всё же верю в лучшее... Давай я сама приеду и почищу эту грёбаную печатную машину XXL. Микки, нет... Микки, не вешай трубку... Микки, я всё ещё тут. Микки... Микки! – смачно выругавшись, она убрала трубку от уха.

Затем она запустила пальцы в талию джинс, чтобы подтянуть их. Но, как оно порой случается, штаны лопнули на самом мягком месте из всех возможных ниже пояса. Услышав треск, женщина, чьё имя Петти, ощупала задний шов. Нашупав дырку, она громко протянула, прямиком в глубь дома: «Это... это подстава из подстав!».

С этими словами Петти исчезла в дверном проёме.

Незванный гость воспользовался человеческой оплошностью. Это был тот редкий момент, когда Гризаиль жестоко проклинал доставшуюся ему от природы небывалую красоту. Ведь из-за неё и только из-за неё котика могли обнаружить уже сейчас. И вместо наглядной информации о своём человеке он получил бы тонны восторженных комплиментов от неинтересных ему людей. По сути, он любил только одного человека – Грегори. Оставшиеся миллиарды двуногих не представляли для нашего кота ни капли интереса.

Прихожая и гостиная дома, куда попал котик, вмещали в себя отголоски нескольких поколений. На старом, потёртом временем диване, лежали новомодные наушники, коими пестрили дорого обставленные витрины сетевых музыкальных магазинов. Рядом, отрезанно, почти валяясь, разместился вязаный красный платок. Коту ещё с порога удалось учуять еле слышный аромат, исходивший прямиком от этой «бабушкиной тряпки». Всеми правдами и неправдами, но он крепко впитался в вязаную структуру ткани, пережившей не одного премьер-министра Великобритании. Гризаиль готов был лапу дать на отсечение, что эта недошаль и переполотенце могла быть свидетельницей восхождения на трон ещё королевы Виктории.

Кот тихо миновал гостиную и вышел в коридор. Оттуда он худо-бедно разглядел следующее помещение. Вместо офисной мебели: стульев на колесиках, столов с перегородками, да хотя бы стойки администрации, сотрудники «Николсон Дизайн» пользовались почти раритетными вещами. Тут не было выдержанной офисной атмосферы. У каждого был свой, индивидуальный, ничем не похожий на остальные, стол. Исключительно деревянный. С резьбой, выжигом и так далее. Наподобие школьных парт, каждый из них был с закрытым передом. Конечно, весь этот деревенский антураж не имел какой-либо реальной ценности. Скорее всего, их продал на старости лет какой-нибудь английский фермер, для которого создание подобных вещей – хобби.

Надо сказать, современная техника, вроде компьютеров, принтера и кофеварки, придавали общей картинке весьма забавный вид. Во имя контрастов везде, контрастов всегда, в каминном проеме (там, куда, по всем законам драмы, принято бросать на горение и тление, письма от бывших возлюбленных) наблюдал за происходящим в комнате телевизор. Судя по всему, камин утратил свой функционал с покупкой хозяевами обогревателя. Помещение входило в зону отдыха сотрудников. Здесь с лёгкостью представлялись разговоры на отдаленные от рабочих темы и пересуды между парой недолголюбивающих друг друга сотрудниц.

Из неизвестного далека (по представлениям Гризаила – из дальнего кабинета) долетел голос Грегори. Он раздражённо требовал «исходники, без которых он не сможет нормально сверстать меню» для одной из забегаловок, кормящих всех желающих на отшибе города.

Ох уж эти творческие профессии! Лучше бы он работал на консервном заводе. Даже консервы не идут в сравнение с сухим кормом, подумалось Гризаилу.

Прильнув к полу, он, словно японский бобтейл³, бесшумно проник вглубь дома. Захватывая своим носиком каждый новый запах, смотря «в оба», он оказался у высокой башни, выстроенной сплошь из картонных коробок с прорезями по бокам. Выбросив когти, котик с лёгкостью запрыгнул внутрь коробки, что венчала этот картонный маяк. Заняв эту относительно безопасную точку для наблюдений, кот целиком обратился в слух. Дабы ничего не упустить, он даже перестал Думать. Этому он научился у тибетского мастифа, живущего неподалёку от прежней работы Грегори. Пёс научил его полностью очищать свой разум, не пропуская в свой мозг даже самой невинной мысли. Таинство, похожее на медитацию, делало сознание настолько чистым от мыслей и их зачатков, что и слух и зрение в разы улучшались.

Вот теперь-то он мог с точностью до 90% сказать, сколько людей находится в помещении, кто и что делал. Кто, что и про кого говорил, и даже зачем и кому хватило наглости бросить использованный чайный пакетик в пластиковую посудину с оставшимся от визита мистера Ричардсона печеньем. Последнее уже успело пропитаться вкусом мятного чая. Его, как теперь знал кот, просто обожает Джуди – ассистентка Петти. А Петти, в свою очередь, предпочитала чёрный чай с тремя ложками сахара и занимала должность директора дизайн-отдела.

Убежище Гризаила базировалось в коридоре, напротив офисного помещения. Под одной крышей работали дизайнеры, рекламисты, связисты с общественностью и даже офис-менеджеры. Секрет экономичного расположения стольких отделов в помещении на 60 метров квадратных лежал в концентрации сразу нескольких должностей на одном человеке.

Единственными людьми, кого не затрагивала «кадровая недостаточность», были дизайнеры. На их здоровье молились всем корпоративным духом, но отказывали в сочувствии, если на горизонте появлялся богатый клиент. В стенах «Николсон Дизайн» существовало негласное правило: без работы 24/7 выжить в мире рекламы невозможно. Надо сказать, что каждый из сотрудников «Николсон Дизайн» видел свои должностные обязанности в свете жизненной необходимости общего для всех ребенка, а именно – рекламного агентства «Николсон Дизайн».

Дабы ознакомиться с расположением рабочих мест и вообще обстановки в целом, Гризли покинул свой наблюдательный пункт. Вообразив себя пушинкой, кот мягко спрыгнул вниз. Глубокое сосредоточение в невесомости своего тела и лёгкости духа, позволили коту покинуть картонный пентхаус максимально бесшумным образом.

³ порода кошек, выведенная в Японии. Среди японских питомцев считается, что эти кошки брали на себя все сглазы и болезни, которые слали в адрес его хозяина недоброжелатели. Такие коты и кошки проникали в дом недруга под покровом ночи, чтобы порвать одежду, запустить в амбар с запасами мышей и прочее

Вновь осмотревшись, Гризаиль спрятался за высоким фикусом, стоявшем уже на территории офиса и давно переросшем свой пластиковый горшок. Листья растения касались пола, так что скрыться за пышной зелёной шевелюрой забытого всеми цветка для Гризаиля особой сложности не представляло.

На счастье котика, его хозяин относился к тому типу сотрудников, от которого не требовался постоянный контакт с остальными обитателями офиса. Это значило, что наблюдение за Грегори не заставит Гризли попрощаться ни с миллиграммом гордо отложенных жиров. Он-то знал простую кошачью истину: чем ты толще, тем ты обаятельнее. Иначе выражаясь, слежка пройдёт в более спокойной обстановке, нежели если бы рядом с Грегори постоянно кто-то вертелся. Плюс ко всему, как успел смякнуть кот, Грегори прерывает рабочий процесс только на время обеда – пустой контейнер для еды сейчас стоял от него по правую руку. По его стенкам сползали остывшие крупинки варёного риса.

Кот с негодованием констатировал уход из материального мира жареной свинины, на которую он охотился вчера вечером, в процессе её приготовления.

Рабочее место хозяина располагалось в глубине комнаты. Там, аналогично коллегам, он сосредоточенно смотрел в монитор своего компьютера, в то же время, водя стилусом по планшету.

Не приведи Баст, рисует вторую Йами, взмолился кот.

На фикус, ставший временным пристанищем для нашего героя, смотрел стол Петти. Ее присутствия и вовсе можно было не заметить, просто не подушись она сегодня, хочется думать, больше обычного. Она неожиданно оторвалась от компьютера и громко, в сторону Грегори и его коллег, запустила фразу о согласовании макета и его приготовлении в печать. В ответ кто-то «угукнул».

Джуди, чьё рабочее место находилось по правую лапку Гризаиля и по левую руку Петти, кажется, чувствовала себя в кресле не менее комфортно, чем в гамаке. Она лениво тыкала пальчиком в свой мобильный телефон и не особо интересовалась происходящим вокруг. Отложив игрушку, девушка перекинула своё внимание на монитор компьютера. Подперев уже два своих подбородка левой ручкой, правой она медленно двигала мышь.

Смотря на Джуди, Гризаиль почти проникся источаемыми девушкой унынием и депрессией. Традиционно, беременность только красит женщину. О Джуди такого сказать было нельзя. Она относилась к тому редкому и неприятному типу женщин, которые, нося под сердцем ребенка, начинают вести себя хуже младенца.

В том фикусе Гризаиль просидел практически до окончания рабочего дня своего хозяина. Исчезнуть он предпочёл до ухода Грегори, дабы успеть оказаться дома раньше него. За всё проведённое в том доме время наш кот отчётливо вырисовал в своём воображении психологические портреты каждого из штаба сотрудников. Он был горд собой. Печалило его только то, что сами люди, на которых Гризаиль теперь имел информации больше, чем МИ-6 на любого своего агента, в большинстве своём ничем не отличались от среднестатистического человека. Того, кому не хватает одной своей зарплаты на месяц, которому не нравится своя работа, который изо дня в день ищет повод, дабы поныть и поплакаться кому-то (правильнее сказать, всем окружающим) о незадавшейся жизни и всеобщей несправедливости. И ни разу, ни в один из тех моментов, пока этот человек сокрушается в адрес Вселенной, он ни на секунду не задумывается о том, что в мире, на самом деле, не существует слепой и беспощадной несправедливости. Он даже мысли не допускает, что для того, чтобы хоть что-то изменилось, надо, как минимум, поднять свою попку с надоевшего и неудобного стула, сидение на коем не доставляет ничего, кроме неудобств.

Котик пребывал в глубочайшем шоке от того, каким жалким может быть человек. Что касается его первоначальной цели – сегодня он её не достиг. Чтобы точно понимать, чем

целый день занимается его хозяин, коту нужно было оказаться подле него. Возможности для этого так и не представилось. Единственным вариантом было – придти сюда раньше всех. Только при условии, что никого более в офисе нет, котик мог бы незаметно подкрасться к рабочему месту хозяина. Или того лучше – выбрать новый пункт наблюдения, откуда он сможет наблюдать за всем, что творится в помещении, не прибегая к учениям тибетских мастифов.

Следующий день было решено провести там же, где и сегодня. Кот сообразил, что ему не удастся появиться первым. Не потому что у него не было ключей – коты всегда найдут вход и выход в любой замок, крепость или дом. Исчезни он из дома раньше хозяина, тот бы заметил отсутствие кота на завтраке (Грегори сначала насыпал питомцам завтрак, а потом садился есть сам) и принялся бы его искать. Нельзя вызвать ни капли подозрений. Нельзя позволить хозяину знать о том, что Гризаиль – хищник, охотящийся по ночам и одновременно гений, вынашивающий планы по спасению семьи из ямы, в которую они угодили несколько месяцев назад (важно поддерживать легенду о мягких лапках и нежном животики).

Кто-то свалит вину на Грегори. А, значит, ему и расхлебывать. Другой напомним, что все проблемы Грегори автоматически становятся проблемами его семьи. Гризаиль имел в своей автобиографии уличные моменты, но всё же считал себя домашним котом. То есть котом, у которого есть свой человек. А если у человека возникают неприятности, кот должен быть готов к тому, чтобы решить их. Под покровом ночи, в грозу, на пустой желудок – независимо от обстоятельств – кот, как и собака, стоит на службе человеческого покоя. В этом тайный смысл жизни любого питомца. Просто кошки в этом не признаются. Только собаки не стесняются заявлять о своей преданности и благонадежности на все четыре стороны Света. Кошки – нет. Их услуги – не собачьи обязанности.

Если же вам посчастливится встретить на жизненном пути кота, который посчитает вас достойным его общества – вы обретёте верного, понимающего, любящего друга с задатками пушистой явочки и большого эгоиста. Но друга. Гризаиль гордо следовал зову инстинктов, доставшихся ему от ближайших родственников его породы – лесных норвежских кошек. Он не собирался отступать. Подобное ему было по душе. В конце концов, полезно хоть иногда совершать собачьи подвиги.

Спеша со всех лап домой, котик думал, что только глубже убедился в том, что Грегори – лучший двуногий на земле. Пусть он кормит их с Юпи сухим кормом. Пусть даже они поменяли место жительства с Лондона на Линкольн. Грегори не сдаётся. А ещё он не сдал их в приют. Гризли знал, что такие вещи случаются. Он слышал много историй от котов, брошенных хозяевами на произвол судьбы.

Наш Мейн Кун всем и всегда отвечал одинаково: не верит он, что его хозяин способен на такое. Лишь в глубине своей кошачьей душонки он боялся, что может ошибаться.

Гризаиль не мог предугадать, что Полли поступит с Грегори так, как она поступила. Он, если честно, не понял ни причины, ни следствия, способных оправдать её действия. Он просто наблюдал за побледневшим хозяином, когда он в последний раз разговаривал по телефону с этой, как считали Юпи и Гризаиль, нехорошей женщиной. Голос их человека не дрожал. Грегори говорил ровно, спокойно. Только руки его нервно вырисовывали на салфетке заштрихованные квадраты, остроугольные ромбы и резкие штрихи. Кот с псом почувствовали неладное. Дальше они оказались там, где оказались. В тихом, немногочисленном... скучном Линкольне.

Грегори не бросил их с Юпи на улице, не оставил погибать в приюте, он даже сообразил не отдавать питомцев на руки родственникам (этим фактом Гризли и Юпи особенно гордились). Он взял их, как свою семью, с собой. Любая собака или кот скажут вам: «этот

человек надеется на меня. Он взял с собой меня, а не кредит из банка. И я всё сделаю для того, чтобы мы с хозяином выплыли из этого моря невзгод».

Передние лапки Гризаиля опустились на нижнюю ступеньку крыльца дома №17, когда на животное снизошло озарение. Случилось это по всем канонам жанра внезапности: упало как снег на голову. Идея, возникшая в голове котика, значительно отличалась от всех прочих мыслей и помыслов, что ежедневно генерировались его мозгом.

Гризаиль часто размышлял о высоком. Музыка, живопись, скульптура. Изящество формы и полнота содержания творческой мысли. Несмотря на отсутствие шерсти, клыков и умения видеть ночью, человек способен на прекрасное.

Человек?

Сам себя спросил кот.

Кто сказал, что только двуногий способен на высокие думы? Кто сказал, что вершина творческой мысли матушки Природы – кот – может только восхищаться плодами чужой фантазии? Гризаиль всегда отрицал идею о превосходстве человека над животными. Этот кот отказывался верить в то, что человек является высшей ступенью эволюции. Куда правильнее было бы отдать все регалии семейству кошачьих. Гризаилю нравился ход собственных мыслей. Он понял, что ему нужно делать. Отныне благополучие семьи находится в его лапах. Он выказал огромную благодарность милосердию Баст. И, похвалив за сообразительность самого себя, прошмыгнул в лаз. Домой, где успело произойти многое, о чем Гризаилю было бы полезно узнать как можно скорее.

На небо спустился закатный занавес. Из-под платьев приходящего вечера гаснувшее солнце выкрикивало свои последние лучи, дабы новое время суток не затмило собой воспоминания уходящего дня. Что-то мрачное и неприветливое поселилось внутри Драго. У него совершенно отпало желание нежиться под ультрафиолетовой лампой. Приползя домой, ящер распластался в гуще мини-сада, нежно разведённого миссис Челлингтон внутри его террариума.

Игуану наповал сразило чувство собственного бессилия. Он и раньше пересекал дорогу, разделяющую дом четы Челлингтонов и дом №17. Но никогда ранее он не возвращался из путешествия столь обессиленным от пережитого.

Сумасшедший день, вздохнул Драго.

Примостившись на стволе искусственного деревца, наш миниатюрный дракончик погрузился в сон. Пребывая в полудрёме, он слышал голос миссис Челлингтон, ищущей своего любимца на камне под «солнцем». Что-то бормотав себе под нос, женщина обогнула террариум несколько раз подряд. Нотка волнения покинула её голос только после того, как хозяйка увидела торчащие из листвы лапки Драго. Дабы убедиться, что в террариуме спит целая игуана, а не только её лапки, хозяйка потянулась к дверце. Та, на удивление, была приоткрыта. Негромко хмыкнув, женщина целенаправленно просунула в проём руку. Нашупав целого и невредимого Драго, женщина успокоилась. Выставив собственную руку из покоев любимца, женщина крепко закрыла дверцу террариума. Трижды проверив, что дверка и вправду закрыта, Кэрролл вышла из комнаты и направилась к ведущей на второй этаж лестнице. В спальню, где мистер Челлингтон уже час сокрушался над спортивной трансляцией. Он ещё не знал своего счастья.

Драго проснулся от мощного внутреннего толчка, отдавшегося в кончике его хвоста. Испугавшись, ящер рефлекторно высунул язык, но тут же сильно об этом пожалел. Теперь в его рту поселился неприятный вкус простудных выделений, что теперь вытекали из его носовых отверстий. Наш ящер не умел чихать. Но в этот раз монстр по имени Чих застал

Драго врасплох. Тот почти дополз до сладкой капусты, растущей на диком пляже. Чих жестоко выдернул ящера из его, возможно, самых дерзких мечтаний.

Ошеломлённый Драго рассеянно поглядел по сторонам, пытаясь найти в ближайшем окружении хотя бы намёк на то, что «всё в порядке». И правда: поилка стояла на положенном месте; кормушка, как надо, ломилась от утренней порции корма – он всё еще пах заботливыми руками миссис Челлингтон. Единственной лишней переменной, а то и вовсе ненужным глаголом действительности выступала простуда, которую Драго, очевидно, подхватил во время вчерашней вылазки.

Отряхнув голову ото сна, ящер медленно, с опаской, выполз из глубины террариума. Гостиная пребывала в сонном состоянии. Диван не издавал ни звука. Каждая из его пружин находилась в состоянии полного покоя. Свой первый писк они издадут вместе с тем, как туда приземлится мистер Челлингтон. Утренние новости он смотрел исключительно в гостиной. Хотя на его сегодняшнее появление Драго не рассчитывал – футбольная команда сильно расстроила Лукаса. Так уже бывало и не раз.

Обычно, в случае проигрыша любимой команды, мистер Челлингтон всю неделю ходит как в воду опущенный. На место четкой и членораздельной речи со всеми общепринятыми элементами человеческого языка, приходят коровье мычание и свиное угуканье. Проигрыши кумиров делают из Лукаса медленное, ленивое, чутка озлобленное животное. Животное, не готовое к активному взаимодействию даже с представителями своего домашнего ореола обитания.

Телевизор, со всеми новостями, обзорами и интервью, по традиции, он сегодня тоже избегал. Хотя на работе ему приходилось брать себя в лапы. В конце концов, кабельное, транслировавшее победы и проигрыши его любимой футбольной команды, временами нужно подкармливать ежемесячной абонентской платой. А без работы её не видать.

Дверь в гостиную распахнулась. В комнату кокетливо всплыла миссис Челлингтон. В руках у неё была метелочка для уборки пыли.

Сметая с мебели пыль, женщина буквально скользила по полу, будто на ней были не пошлые домашние тапочки, отдававшие жуткой безвкусицей в виде розовых зайцев, но изящные, только-только заточенные мастером красивые коньки. Картина вырисовывалась презабавной. Кэрролл – женщина с пышной фигурой и непослушными выющимися волосами, одевшаяся этим утром в цветастый домашний халат – вырисовывалась в гостиной чуть ли не ласточку. Драго знал: будучи в хорошем расположении духа, Челлингтоны могут и не такое выдать. Поэтому, ничему не удивившись, он просто застыл под люминесцентной лампой, надеясь прогнать таким образом монстра по имени Чих. Что касается неунывающей миссис Челлингтон, то она начала напевать мотив какой-то песни из репертуара Френка Сенатры. Единственное, что выдавало у Кэрролл будничную настрой, был побледневший от частого использования и стирки фартук – женщина снимала его, только если выходила из дому. Закинув метелочку на подоконник, Кэрролл почти взяла курс на выход, однако, резко развернулась и направилась к террариуму. Достигнув цели, она начала усердно искать питомца.

– Неужели спишь? – обратилась она к Драго. – На улице туман, солнца и не видно. А тебе пора просыпаться, а то покроешься пылью, и мой муж сделает из тебя ремешок для часов, – с заботой, понятной только ей самой, пояснила хозяйка.

Она вновь пожалела, что Лукас не любит Драго. Бог не дал им детей. Поэтому женщина считала игуану своим ребёнком. Мистер Челлингтон делал вид, что не замечает ту нездоровую опеку, коей его жена окружила своего питомца. Сонный Драго вышел из ночного укрытия.

– Вот ты где, мой сладкий!

– Ты ещё в попу его поцелуй, – поделился своим плохим настроением спустившийся на кухню мистер Челлингтон.

– Ой, да прекрати, – отмахнулась Кэрролл. – Не получишь шоколадных кексов!

Пожутив мужа за его едкий комментарий, она вылетела из комнаты куда-то вверх по лестнице.

Повертев своей идеально круглой, как бильярдный шар, головой, мистер Челлингтон довольственно констатировал отсутствие жены на расстоянии вытянутой руки. Тихо выйдя из-за обеденного стола, мужчина шпионским манером проскользнул к террариуму Драго.

За порогом дома Челлингтонов никому, кроме, возможно, Гузи, не была известна тихая ненависть мистера Челлингтона к Драго. Последний редко отвечал тому взаимностью из-за своего природного хладнокровия и всецелого равнодушия ко всяческим, сугубо человеческим, вещам. Нашу игуану не заботила ни оплата счетов за квартиру, ни засилье индусов через квартал от их дома, ни даже падение фондовых индексов. Он ведь любимец миссис Челлингтон. А она никогда не даст своего Драго в обиду. Другое дело – Лукас.

Когда ящер только-только появился в их доме, Лукас уже начал отпускать скользкие, как рыбная чешуя, шуточки о безотходном производстве мексиканского рынка, где мясо таких игуан, как Драго, идёт в суп или на сковородку, а кожа используется для изготовления ремней и сумок. Кэрролл старательно пропускала всяческие комментарии об их новом сожителе. Так она делает на протяжении уже 5 с половиной лет, со дня покупки ящера у своей кузины.

Патриция приобрела Драго еще яйцом у мексиканского торговца, постучавшегося к ней в один жаркий июльский день. Он убеждал, настаивал, божился, что держит в руках яйцо дикой игуаны. Из его ломаного английского Патриция уловила слова «традиция», «еда», «Мексика». С присущими мексиканскому народу напыщенностью и эмоциональностью, мучачо уговорил Патрицию приобрести базовый ингредиент всех экзотических блюд мексиканской кухни именно у него. Конечно, то была не совсем правда, но Патриция поверила и купила ни о чем не подозревающего Драго. Последующие двенадцать часов она провела в кулинарных книгах. Зарывшись в них по самый хохолок, женщина упорно искала наиболее привлекательный для её языка рецепт. И только одному Богу известно, как бы сложилась судьба почти готового к вылуплению ящера, если бы у горе-гурмана поднялась-таки рука на приготовление обеда из той сомнительной книги. Уже занеся над яйцом лезвие кухонного ножа, Патриция вдруг заплакала. Она поняла, что не может убить невинное существо. Пусть линияющее. Пусть больше походившее на клатч. Она была просто не в силах лишить права на существование чьего-то детёныша. Пусть он даже будет болотного зелёного цвета и со змеиным язычком.

Положив так и неиспользованный ингредиент на стол, Патриция поплелась к телефону. Она обреченно схватила трубку. Набрав забытый где-то в запыленных областях своего мозга номер, женщина выпалила: «Тебе нужна игуана?».

Через неделю звонившая узнала о своей беременности.

Следующий день яйцо провело на кухне Челлингтонов. Мистер Челлингтон сидел и смотрел на диковинку свойственным ему пристальным, изучающим, а где-то и оценивающим взглядом. Сложив руки на столе, мужчина склонился к безмятежно лежащему на деревянной поверхности стола, яйцу.

Уже в тот момент Лукас почувствовал исходящую от этого источника кальция и белка опасность размером со всю хищную, страшную и дикую органику Вселенной. Проще говоря, он не видел особых отличий между игуаной и увиденным в своём австралийском детстве Гребнистым крокодилом. Даже спустя 55 лет перед помутневшими и постаревшими от всего пережитого глазами, до сих пор стоял яркий и жестокий, как все детские кош-

мары, образ ползающей на пузе Годзиллы с километровым хвостом и устрашающей мордой, покрытой буграми, шириной с большой палец взрослого человека.

И сейчас, глядя на полусонного ящера, Лукас не мог избавиться от опасений, что Драго продолжает расти. В скором времени он перерастет соседского кокер-спаниеля. После чего от спокойного нрава Драго ничего не останется. Он превратится в хищника. Вместе с объемами будет расти и потребность в еде. В один прекрасный день Драго перейдет в Высшую Лигу, где начнет питаться животным мясом. И однажды, подобно австралийскому варану (с коем их и так связывают родственные узы), он подкрадётся к спящим хозяевам и обглодает их ступни. Подобное нередко случается с заплутавшими путешественниками, по глупости оказавшимися на территории этих варваров царства животных.

Мужчина оглянулся по сторонам, дабы удостовериться, что никто за ним не наблюдает. Прильнув к террариуму, он подал игуане знак. Направив свои два пальца сначала себе на глаза, он резко развернул руку в сторону ящера, показывая, что с этих пор она находится под наблюдением. Драго высунул язык два раза. Так, он надеялся, человек пребудет в полной уверенности, что ему, ящеру, есть хоть какое-то дело до его мартышкиных кривляний по ту сторону террариума. Драго был не в духе кому-то что-то доказывать. Нос тёк как Амазонка, а где-то в переносице медленно нарастал фантом Чиха. Этим утром он как-то зачастил.

Паркер, вдумчиво произнес про себя Гузи.

Что в имени твоём?

Гузи придерживался мнения (если не сказать учения), что слова, так рьяно и безответственно используемые людьми в обиходе, несут в себе куда более веский аргумент к существованию, чем можно себе вообразить. Он верил, что часть информации о человеке можно «выжать» из одной лишь его фамилии. К счастью, в этот раз, она была настоящая, а, судя по аккаунту Грегори Паркера в социальной сети, этот человек не был включен в программу по защите свидетелей и не скрывался от полиции. Доказательством служил аватар, на котором прямо и открыто запечатлено лицо Грегори Паркера.

Гузи умел пользоваться компьютером. Его сюда привел известный всем видео-хостинг, где гордые хозяева размещают видео о любимых четвероногих. Гузи часами просиживал в паутине, пытаясь найти ответ на один вопрос: «почему видео с котами здесь больше, чем с женщинами, детьми и стариками? Ведь при пожаре их выносят первыми?».

Пока что на ум приходило только одно – котеек любят *все*.

Что касается отдельно взятого индивида, Грегори Паркера, о нём Гузи узнал немного.

Во-первых, фамилия Паркер берет начало в XIX веке. В Англии. Есть мнение, что произошла она от английского parkkeeper, то есть смотрителя парка, лесничего, охранника заповедника. Что касается писем в почтовом ящике Паркеров, в них завалилась груда рекламы, адресованной предыдущим владельцам дома и одна-единственная весточка от родителей Грегори. Пожилые, но очень энергичные по жизни люди, они активно интересовались обустройством сына на новом месте. Они сетовали на громких соседей, сокрушались грабежом квартиры на верхнем этаже, напрочь отказывались учиться пользоваться компьютером и... задали вопрос о некой Полли. Затем они справились о здоровье Юпи (зачем-то посоветовали отвезти его к доктору, так как этот самый Юпи – «очень тонкая и эмоциональная личность» и «он может тяжело переживать переезд», хотя «сравнительно небольшой и тихий Линкольн должен благосклонно повлиять на его нервную систему») и украдкой пожаловались о «Медиссон, не считающейся с планами собственного мужа!».

Из всего этого сумбура Гузи для себя выяснил: Грегори (как и его фамилия) родился и вырос в Англии, в частности, в Лондоне (данный факт впечатлил кота более остальных). Когда-то он встречался с Полли. Девушка нравилась родителям, но не настолько нравилась их сыну, чтобы тот остался. У двуногого есть уже знакомый Гузи кот – Гризаиль. В наличие

и некий Юпи. Кто это – в письме не уточняется. Гузи осмелился предположить, что Юпи – это либо черепаха, либо хомяк. Исходя из волнений миссис Паркер об этом Юпи, сложно было вообразить себе что-то крупнее черепахи-переростка или откормленного хомячка. Об упомянутой Мэдисон сказать было практически нечего. Кроме того, что та была женой брата Грегори и очень не нравилась миссис Паркер. Что касается Гризаиля – его персона сейчас занимала большую часть размышлений Гузи. Его огорчало и то, что в письме не было ни слова о Гризаиле. Гузи грезил узнать о коте-новосёле больше, чем он знает сейчас. А так как наш котик был натурой увлекающейся, он ставил изучаемый объект в эпицентр своей маленькой вселенной. Пусть на время, но этот кто-то оказывался не просто под пристальным вниманием Гузи. Отныне этот кто-то являлся почти смыслом каждого проживаемого им дня. Кот не успокаивался до тех пор, пока с анализируемого животного или человека не спадала дымка таинственности и загадочности. Гузи исследовал, изучал и анализировал выбранный им объект до той поры, пока ему ни станут известны его любимый цвет, предпочтения в еде, хобби, круг знакомых и вся прочая информация, из которой состоит любой социально активный человек или его питомец.

От Гузи ничего нельзя было скрыть. Особенно, если он выбрал вас в качестве «изучаемого кролика». То же происходило сейчас: Гузи нашёл себе нового «подопытного» в своих играх с собственным интеллектом. И он не остановится ни перед чем, пока не поймет, зачем Гризаиль покидает хозяйский дом и уносится прочь от необжитой толком лужайки.

Что делает его настолько скрытным и столь безоговорочно агрессивно настроенным к появлению на его пороге действующих авторитетов? Гузи интересовала и причина, по которой Гризаиль, не прибегая к банальным приветствиям и хотя бы шапочному знакомству, предпочёл интеллигентной светской (кошачий этикет много продуманнее людского и его исполнение куда обязательнее) беседе разухабистое представление самого себя без намёка на малейшее любопытство в отношении пришедшего гостя.

Гузи и сам был таким. Говорил, что думал и не думал, что говорил. Но даже он позволял себе такое лишь с более-менее знакомыми ему персонами. В самом начале, при знакомстве с кем-то новым, его поведение не выходило за рамки дозволенного. Циничные замечания и высокомерное отношение шли чуть погодя. В итоге все и так знали, что Циничный Котик за словом в словарь не полезет. Спорить с ним не решались, да и ответных реплик побаивались.

Гризаилу только предстояло либо заручиться хоть чьей-то поддержкой, либо придерживаться автономии. Для спокойной жизни без вовлечения в чью-то кошачью группу «по интересам» нужно было дать всем понять, в чём твоя особенность. У Гузи это был острый язык. А затворница Бри, что жила в школьной котельной, славилась глубокой житейской мудростью и даже ясновидением. Если Гризаиль хочет быть котом-одиночкой, ему придётся доказать, что он способен на что-то, что не дано другим.

Из их утренней перепалки Гузи стало ясно, что тот не болен бешенством. Да, его самолюбие зашкаливает, но из пасти не сочится кровь и на людей он не бросается.

Благодаря прослушанному в стенах (точнее, на подоконнике) местного колледжа курсу по психологии, Гузи увидел в поведении новичка намёк на базовые животные инстинкты. Будто тот защищался. Он явно противился тому, чтобы ему начали задавать вопросы. Будто он мог что-то скрывать.

Гузи вспомнил, какой акцент новичок сделал на том, что он отправляется на свершение полезных его семье дел. Гузи обожает секреты. На прошлой неделе он решил давно мучающую его загадку: зачем мистер Челлингтон утешит... книжные страницы. А делает он это, как оказалось, для того, чтобы прочитанные им в ванной книги не вызвали у читателей подозрений – и те, не ведая о букинистическом прошлом книжки, покупали издание для себя

или даже в подарок. Кота очень долго занимала эта загадка, но она решена и теперь он нуждается в новой пище для ума. И ею станет Гризаиль, его хозяин и что-то по кличке Юпи.

Вы, наверно, знаете, слышали или имели удачу догадаться, что кошачьи обладают столь же тонким чувством собственного достоинства, как и некоторые представители двуногих. Вы понимаете, что и в кошачьей вселенной есть такие моменты, о которых животные не распространяются. Больше – они их стыдятся.

Примером может служить эпизод с подстриженной на лето самкой персидского кота. Отходя от шока и унижения своего кошачьего (!) достоинства, она будет просто не в силах смотреться в зеркало. Отчаявшейся и вовсе не пушистой, ей придётся смиренно караулить сонную артерию своего хозяина, чья рука осмелилась остричь всю мощь и величие Персидской Княжны 2010 в тот неожиданно жаркий июнь. Гузи знал эту кошку. Её звали Бриллиант.

В своё время она брала все первые места на всяческих кошачьих выставках. В 2010 году Бри заняла Первое место на чемпионате где-то на территории Линкольншира. Один из судей, за статность и невозмутимость конкурсантки, окрестил её Персидской Княжной. Тот день она запомнила на всю оставшуюся, как день Триумфа над всеми остальными кошками, живущими с ней на одной планете. Пусть сегодня она коротает дни в школьной котельной, где за ней присматривает старый уборщик – мистер Ди – Бри и сейчас в силах задать фору любой участнице выставки, проводимой WCF.

Подвох в том, что наша Бри несла на себе тяжкий крест непослушания. В прямом и уверенном взгляде Гризаиля, Гузи, как кот, прослушавший курс по психологии в колледже на Монкс-роуд, увидел ясные очертания пристыжения. Того самого пристыжения, что спугнуло кота одной из самых примечательных пород.

Зная о симптомах, теперь Гузи стало намного проще диагностировать проблему, коей болел Мейн Кун. От обложки читатель перешёл к содержанию книги. Книги под названием «Гризаиль».

Дом №17

Сколько можно есть, подумалось Гризаилю.

Он вновь пробрался в офис «Николсон Дизайн», где часами наблюдал за работой Грегори. Сегодня в качестве укрытия ему служил корпус от системного блока. Его содержимое со всеми микрочипами, проводками и гайками давно собирало пыль где-то на верхней полке шкафа, на нижних полках которого сегодня своё наблюдение вёл наш покорный котик.

Укрытие вмещало не меньше пыли, чем это делали все папки, бумаги, CD-диски, флешки и тьма тьмушая полиграфии. Пушистое и, как следовало думать, благородное существо Гризаиля располагалось в самом эпицентре пыли, грязи и, возможно, привычной среды обитания каких-нибудь микроскопических тварей Божьих. Шкаф был настолько старым, что задняя стенка отходила сразу в двух местах. А одна из дверей просто не закрывалась. Через щель между дверцами Гризаиль и проник внутрь шкафа этим утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.